

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1977

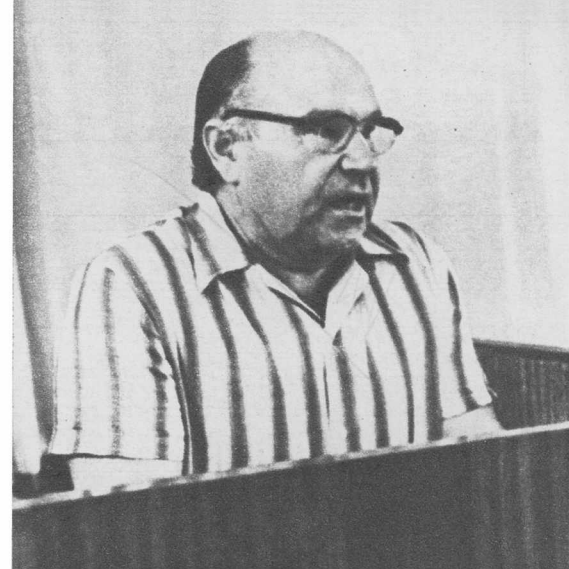

Секретарь парткома
В. И. Хлебтовская.

Секретарь комсомольцев объединения Е. И. Кошелева.

Строгальщик М. И. Кулаков.

Идет партийное собрание...

ОТКРЫТОЕ ПАРТИ

Бригадир Р. С. Шилкина.

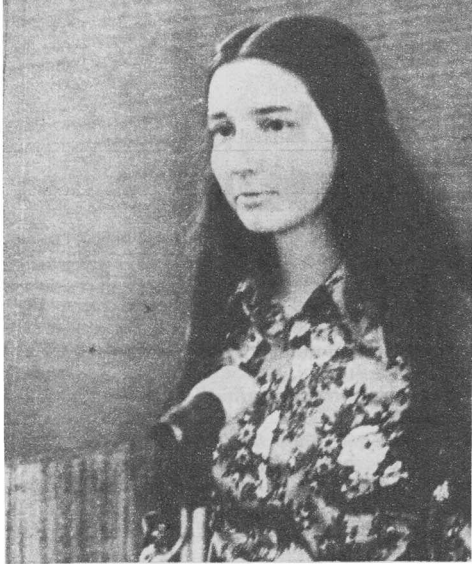
Директор объединения А. С. Роцин.

Инженер В. А. Фролова.

Мастер смены А. Н. Депутатова

ЙННОЕ...

Мастер смены В. И. Трушина

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

Б. СМЕРНОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Шло открытое партийное собрание, собрание, по сути своей единственное, неповторимое, которое останется, наверное, в памяти на всю жизнь. Почему? Об этом чуть позже...

Речь пойдет о Московском производственном объединении по выпуску верхнего трикотажа. Начинать надо с того дня, когда в печати, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, был опубликован проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, представленный Конституционной комиссией и одобренный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на всенародное обсуждение. А всенародное обсуждение — это и есть то самое становление коллективной мысли, которая позже обретает форму общего правила, закона. И вот Основной Закон, Конституция... Разговаривая между собой по пути на работу и домой, беседуя в перерывах, люди вдруг ощутили особую значимость своих слов: ведь говорим-то мы о том, что на долгие годы станет основой нашей жизни, нашей государственной жизни! Новым смыслом наполнялись обычные житейские события: там — новоселье, а там — сын диплом защитил... И все это согласно нашей Конституции, которую мы должны теперь всесторонне обсудить, если есть в том нужда, дополнить, переосмыслить не вообще, а в свете сегодняшних и завтрашних задач, проблем, желаний... Да, если представить идеи проекта мощным импульсом, проникшим в самые глубинные слои народной мысли, то резонансом его уже сегодня стали новые дела тружеников, починки, обязательства. И партийные собрания на предприятиях страны, где обсуждения принимают формы конкретных предложений и дополнений к проекту новой Конституции.

...По повестке дня выступает секретарь парткома трикотажников Валентина Ивановна Хлебтовская. Она говорит о задачах, которые встают перед коллективом объединения, докладывает о предпринятых парторганизацией конкретных мерах по выполнению задач, поставленных майским Пленумом ЦК КПСС. В цехах работали пропагандисты, проводились разъяснения положений проекта Конституции — теперь слово за рабочим классом!

На трибуну светлого, удобного зала в клубе объединения поднимается мастер смены одного из цехов В. И. Трушина. Говорит о том, как она понимает необходимость создания новой Конституции: за сорок лет выросла страна, выросли люди, и изменения Основного Закона диктует само время. Проект закрепляет права граждан СССР, например, статья 40-я, где говорится о праве на труд, включая право на выбор профессии.

— Наше ПТУ стало базой подготовки молодых рабочих. Но есть случаи, когда ребята уходят из него, бросают учебу. Я думаю, часть вины в этом наша, кадровых рабочих: не смогли мы воспитать у всей молодежи любовь к нашей профессии. Наверное, уместно предложить такое дополнение к статье 40-й проекта: «Считать святым долгом каждого рабочего прививать молодежи любовь к выбранной профессии»!

Мне не удалось после собрания поговорить с Валентиной Ивановной: она спешила навестить больного. Но легко можно представить себе, какими глазами смотрит она на пустующее

место практиканта у станка: недавно девочка-подросток стояла здесь, постигала секреты плосковязальной машины и вот уже третий день не приходит. Видно, бросила, разочаровалась в профессии. А она, Валентина Ивановна, казнит себя — недосмотрела, потеряла человека... В чем-то ошиблась, а сколько по стране юных судеб ломается из-за таких ошибок! Нет, дополнение к проекту просто необходимо.

Выступает инженер В. А. Фролова.

— Для абсолютного большинства советских людей труд — это источник радости. Но, к сожалению, не для всех. В статье 60-й к словам «строгое соблюдение трудовой и производственной дисциплины» мы предлагаем дописать: «Лица, нарушившие трудовую дисциплину, привлекаются к ответственности».

Вопрос после собрания:

— Чем объяснить ваше строгое дополнение? Может быть, вас замучили нарушения дисциплины?

— Нет, мне с прогульщиками и халтурщиками дела иметь не приходилось. Но ведь не перевелись они еще, правда? Я пропагандист, веду занятия кружка. Так вот, занятия по проекту Конституции шли всегда активно. А о прогульщиках, пьяницах очень острый разговор возник. Вот и сформулировали дополнение, поручили мне выступить на партсобрании. Ведь стыдно, когда видишь, например, пьяного на улице, стыдно за человека.

— Когда я читала проект Конституции, то каждое ее слово, казалось, было обращено ко мне, написано для моей жизни, — сказала с трибуны одна из самых молодых мастеров смены объединения, Антонина Депутатова. Она часто говорила «мы» — от имени многочисленных молодых трикотажников. И не от своего имени, а по поручению, как она сказала, молодежи внесла предложение дополнить статью 60-ю, где говорится об обязанности граждан строго соблюдать трудовую и производственную дисциплину, словами: «и высокое качество работы».

— Мы — это комсомольцы?

— Да, я комсорт двух цехов.

— А почему именно качество?

— На комсомольском собрании так решили. Качество — первый по степени важности вопрос для нас.

— Много брака?

— Нет! — Удивленный, даже обиженный взгляд. — Для нас качество — это освоение новых машин, передовая технология, культура труда. За одним этим словом скрыт прогресс производства, ударные темпы, резервы!

Все дополнения к проекту, прозвучавшие на этом особом, необычном партийном собрании, будут переданы в Конституционную комиссию. Почему необычным? Потому что каждый участник собрания здесь, в Москве, на трикотажном объединении, и на любом подобном собрании в любом другом уголке нашей страны может утверждать с гордостью и теперь, и через десятки лет: я создавал Конституцию!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

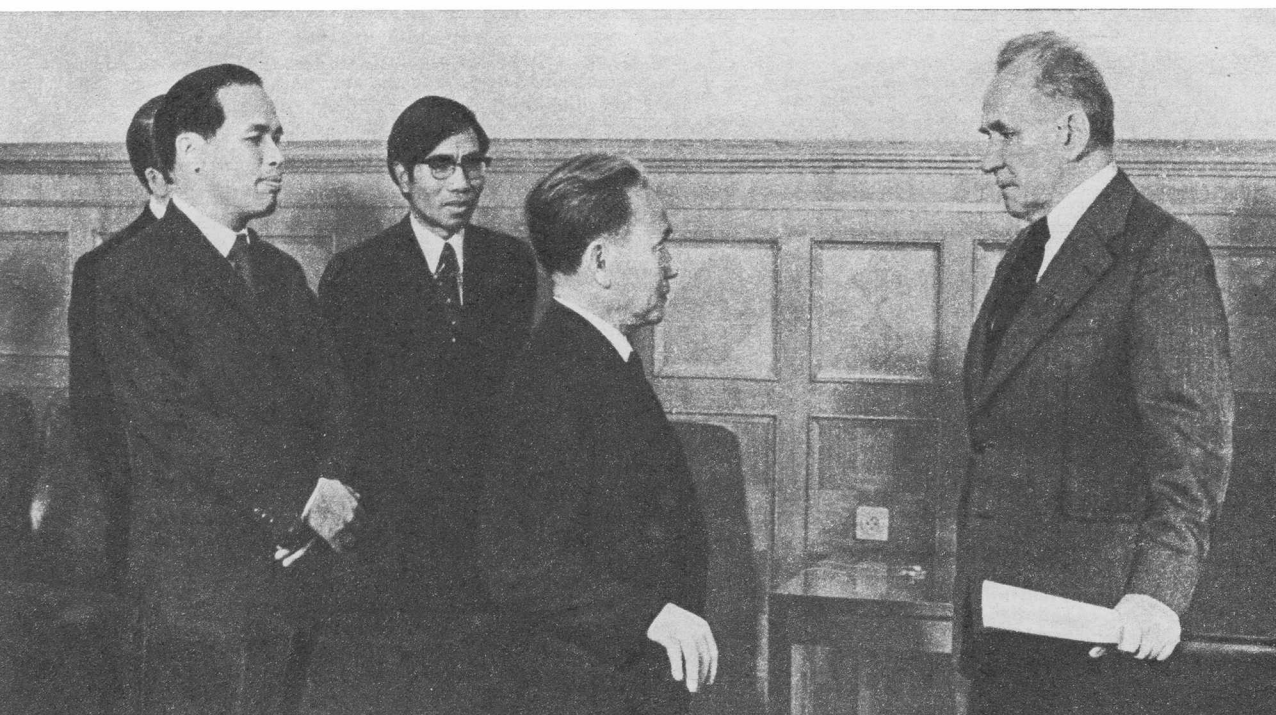
1923 года

№ 28 (2609)

9 ИЮЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

28 июня член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле члена Политбюро ЦК КПВ, заместителя премьер-министра, председателя госплана Социалистической Республики Вьетнам Ле Тхань Нги, находившегося в Москве во главе правительственной экономической делегации СРВ.

В ходе беседы, проходившей в дружеской атмосфере, состоялся обмен мнениями по ряду вопросов советско-вьетнамского сотрудничества.

Перед началом беседы.

Фото И. Зотина (ТАСС)

РОСТОВ-НА-ДОНУ

ЕСТЬ 1,5-МИЛЛИОННЫЙ

Комбайн № 1 500 000 сошел с главного конвейера «Ростсельмаша». Обкатать юбилейную «Ниву» было поручено лучшему сборщику Г. Бордачеву.

Счет выпускаемой продукции ведется здесь с времен первой пятилетки, еще от прицепного «С-1». А сегодня на заводе каждые пять минут сходит с конвейера самоходная мощная современная «Нива».

Полуторамиллионный был изготовлен досрочно. Этого рубежа коллектив предприятия достиг в результате широко развернувшегося социалистического соревнования в честь 60-летия Великого Октября.

По случаю рождения юбилейной «Нивы» на заводе состоялся митинг. Его участники единодушно приняли письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

Коллектив «Ростсельмаша» решил к сентябрю отгрузить 38 тысяч комбайнов. Это значит, что земледельцы получат на шестьсот машин больше, чем было запланировано. А символический ключ от комбайна-юбилера генеральный директор «Ростсельмаша» В. Иванов торжественно вручил И. Костенко — одному из лучших механизаторов колхоза имени Кирова, зерноградского района, Ростовской области.

Полуторамиллионный комбайн «Ростсельмаша» и люди, которые собрали его.
Фото Евг. Недери

Киргизия... В книге солидной, но давнишней я прочел: «Край, забытый богом и людьми, окраина, где слово «образование» не имеет своего перевода».

Киргизия... Республика высокой культуры, развитой промышленности и науки — свои академики, доктора и кандидаты наук. Республика, в которой телевидение так же привычно, как кино и радио. Республика, где бороздят небо самолеты и вертолеты, везут в горы чабанам холодильники и кондиционеры, перевозят людей — строителей сегодняшней, так не схожей с прошлой жизни.

— Вода питает землю. Советская власть влила силы и уверенность в наш народ, подняла его, открыла ему невиданные ранее горизонты, — экскурсовод на ВДНХ обстоятелен и терпелив. В павильон пришла очередная иностранная делегация. Для многих из них Киргизия — край далекий, малоизвестный. И экскурсанты задают множество вопросов.

— Именно такие станки делают в Киргизии?

— Это киргизский хлопок?

— Что сейчас пишет Айтматов?

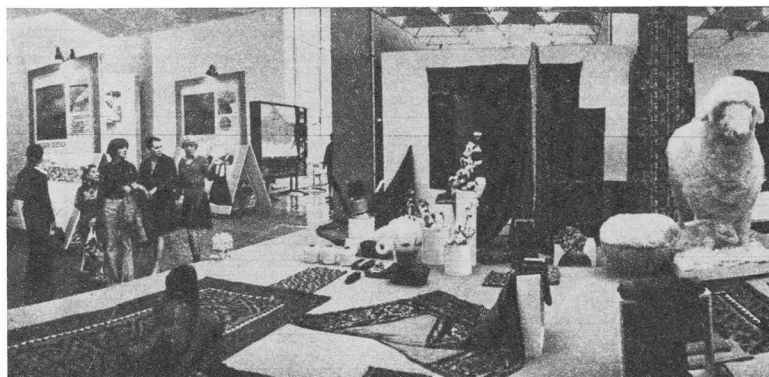
Руки людей — на территории республики проживает более восьмидесяти национальностей и народностей! — преобразуют и берегут землю Киргизской ССР.

Бегут «Жигули» и «Москвичи» по автострадам, которые пролегли

ДНИ КИРГИЗИИ НА ВДНХ

ДОРОГИ РЕСПУБЛИКИ

Раздел, посвященный достижениям легкой промышленности и народным промыслам.

на месте караванных троп. В юбилейном отчете республики на ВДНХ СССР есть строка: по плотности благоустроенных дорог Киргизия стоит на одном из первых мест среди союзных республик...

Современные дороги сделали близким недоступное прежде селение, помогли начать стройки там, где не ступала нога человека. В девятой пятилетке введены в действие 22 больших промышленных предприятия. Какие? Ну, для примера, завод электронных вычислительных машин, Тонмакский молочный завод... Можно, конечно, назвать и остальные, а можно сказать так: общий объем промышленной продукции за это время возрос в полтора раза. А сельское хозяйство? Его валовая продукция увеличилась на 18,6 процента, если сравнивать с уровнем восьмой пятилетки.

Вот такие темпы, такие возможности у советской социалистической Киргизии. И республика деловито, серьезно, с заглядом вперед реализует свои планы и перевыполняет их. Естественно, в тесном сотрудничестве с другими республиками нашей страны. В общем, как сказали мне в павильоне:

— Слово «эффективность» в переводе на киргизский не нужно.

К. КОСТИН

Фото автора

НА ОПАСНОМ ВИРАЖЕ

Сергей ЛОСЕВ

Указание президента США Дж. Картера не приступать к серийному производству нового сверхзвукового стратегического бомбардировщика «В-1», испытания и доводка которого, впрочем, продолжаются, было нарочито подано некоторыми американскими обозревателями как миротворческий шаг, направленный на создание благоприятных предпосылок для дальнейших советско-американских переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений. Тем не менее даже американские налогоплательщики не выразили особого восторга по поводу отмены программы создания «В-1», на которую предполагалось потратить 25 млрд. долларов. Дело в том, что на той же пресс-конференции президент объявил о своем персональном решении приступить к развертыванию новейшего вида стратегического оружия — крылатых ракет.

По признанию официального представителя министерства обороны США, средства, высвобождающиеся в результате свертывания программы «В-1», будут направлены на форсированное создание арсенала крылатых ракет.

Решение о развертывании крылатых ракет нельзя расценить иначе, как крупную уступку Пентагону, считающему, видимо, что у американского империализма в нынешних условиях нет иной стратегической альтернативы, кроме совершенствования машины уничтожения. Это подкачка американскому военно-промышленному комплексу, которому гонка вооружений не только обеспечивает неимоверные прибыли, но и является источником сохранения решающего влияния на политику США. Речь идет о попытке нарушить общепризнанное равенство ядерной мощи СССР и США и закрутить таким образом новый виток в гонке ракетно-ядерных вооружений. Газета «Вашингтон пост», к сожалению, не преувеличивает, когда она высказывает предположение, что развертывание крылатых ракет «может не только изменить ход переговоров об ограничении стратегических вооружений, но и повлиять на отношения с Советским Союзом в целом».

История с крылатыми ракетами возвращает нас к вопросу о том, кто несет ответственность за проволочки на переговорах относительно заключения долгосрочного договора об ограничении стратегических наступательных вооружений взамен Временного соглашения, истекающего в октябре этого года. «На протяжении двух с половиной лет, — напоминает в редакционной статье газета «Балтимор сан», — на переговорах СОЛТ-II не было прогресса. Чем же это объясняется? Отнюдь не проблемами прав человека, не бомбардировщиком «В-1» и не советским бомбардировщиком «Бэкфайер», значение которого американцы преувеличивали в интересах торга. Нет, крупнейшим препятствием на переговорах об ограничении стратегических вооружений были крылатые ракеты...».

Владивостокская договоренность создала действительно превосходную возможность успешно завершить переговоры СОЛТ-II. И не вина Советского Союза, что этот шанс до сих пор остался неиспользованным. Камнем преткновения на переговорах оказались попытки Вашингтона вывести крылатые ракеты за рамки согласованных ограничений, которые позволяют СССР и США иметь по 2400 носителей стратегического оружия, в том числе по 1320 ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Во Владивостоке не делалось никаких исключений для крылатых ракет, и уж, конечно, там не было дано зеленого света для их развертывания. Более того, в ходе последующих советско-американских контактов США согласились принять формулу, по которой стратегические бомбардировщики при оснащении крылатыми ракетами с дальностью свыше 600 километров приравнивались бы к ракетам с разделяющимися головными частями. Теперь и президент и министр обороны США открыто признают, что крылатые ракеты являются стратегическим оружием. Так где же тогда логика в попытках исключить их из соглашения?

Невыполнение взятых обязательств, отступление от достигнутых договоренностей еще никому не приносило лавров. Не случайно, как показывают опросы общественного мнения, у многих американцев возникает чувство недоверия к нынешней администрации США в связи с тем, что подавляющее большинство принятых ею до сих пор шагов не отвечает предвыборным обещаниям и носит консервативный характер как в сфере внутренней, так и внешней политики.

Нет никакого сомнения в том, что американский народ глубоко заинтересован в улучшении советско-американских отношений, в бережном сохранении всего того положительного, что было достигнуто между СССР и США за последние годы. Решающее значение в этом плане имеет обуздание и прекращение гонки вооружений, без чего невозможно обеспечить подлинную международную безопасность и сделать необратимым процессом разрядку напряженности, являющуюся доминирующей тенденцией в мировой политике. Существующих арсеналов ракетно-ядерного оружия вполне достаточно не только для обеспечения национальной безопасности СССР и США, но и для взаимного многократного уничтожения, исключающего теорию «первого удара». Поэтому попытки Пентагона форсировать гонку новых вооружений бессмысленны с точки зрения обеспечения безопасности и лишь вносят в стратегическую ситуацию опасный дестабилизирующий фактор. «Абсолютно нереально, — отмечает американская газета «Ньюсдей», — чтобы США могли добиться явного превосходства над Советским Союзом. Учитывая ресурсы СССР, численность его населения и идейную сплоченность, русские сравняются с нами по любому виду оружия, которое мы решим создать. Неясно только одно: что случится тем временем с экономикой США».

Попытки нарушить равновесие сил и поставить под угрозу безопасность СССР и его союзников бесперспективны. Они могут лишь осложнить завершение переговоров относительно заключения договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, который может и должен основываться только на проверенных жизнью принципах равенства и одинаковой безопасности сторон, отказа от поиска односторонних военных преимуществ.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В СТРОЮ

В 1921 году Владимир Ильич Ленин писал в статье «О работе Наркомпроса» о необходимости «издавать романы для народа... в виде пролетарской газеты» большими тиражами и по доступной цене. Через шесть лет, в 1927 году, вышел первый номер такого издания, получившего название «Роман-газеты».

Возникшая по мысли В. И. Ленина и инициативе М. Горького «Роман-газета» издаёт массовыми тиражами лучшее из созданного советскими и зарубежными писателями. С помощью этих в мягкой цветной обложке книг стали достоянием миллионов читателей произведения М. Горького, А. Серафимовича, М. Шолохова, Д. Фурманова, К. Федина, Н. Тихонова, П. Бровки, О. Гончара, Ю. Смуула и многих, многих других авторов, представляющих многонациональную советскую литературу. В одном ряду с ними вышедшие в «Роман-газете» произведения прогрессивных зарубежных художников — А. Барбюса, Дж. Олдриджа, А. Зегерса, Ю. Фучика и других. Словом, ныне «Роман-газета» в 24 годовых номерах, каждый из которых имеет тираж полтора миллиона экземпляров, даёт на своих страницах яркую картину литературной жизни страны и мира.

Редакция «Роман-газеты» творчески развивает славные традиции издания. Прекрасный пример тому — сборники документальных произведений, посвященные грандиозным стройкам нашего века. В предисловии к сборнику «Великие версты», в котором рассказывается о строительстве БАМа, сказано точно: «Как некогда советские писатели приводили с собой в литературу героев революции и гражданской войны, индустриальных пятилеток и коллективизации сельского хозяйства, а вслед за ними и героев великой битвы с германским фашизмом, так и теперь, с новыми талантами и книгами, читателям являются образы и характеры, представляющие наше время».

В верности теме современности, глубокой идейности и высоком художественном уровне залог успеха одного из самых массовых в нашей стране литературных изданий.

В. ПЕТРОВ

НА ВЫСОТЕ 2.33

Владимир Ященко.
Фото АП—ТАСС

Третьего июля, в тот день, когда 18-летний легкоатлет Владимир Ященко установил в американском городе Ричмонде новый мировой рекорд по прыжкам в высоту, преодолев планку на высоте 2 метра 33 сантиметра, я встретился в Сочи с его тренером по сборной В. М. Дьячковым. Еще не зная об успехе Ященко,

мы стали обсуждать выступление Александра Григорьева на только что закончившемся матче СССР — США, и Дьячков дал высокую оценку минскому прыгуну и сказал, что ждет больших успехов и от другого спортсмена — Владимира Ященко, которого отлично подготовил его тренер В. Телегин.

— Когда Володя пришел в сборную, — сказал Дьячков, — он уже имел за плечами прыжок на 2 метра 26 сантиметров, а сейчас готов к побитию мирового рекорда. И вот что интересно: Володя Ященко, так же как и мой другой питомец, Валерий Брумеля, прыгает перекидным стилем, а не флудным ныне «фоссери флудом».

И в тот же день мы узнали, что Владимир Ященко оправдал надежды одного из своих тренеров и побил на матче юниоров СССР — США на один сантиметр мировой рекорд американца Д. Стоунза. Так после Брумеля, шесть раз улучшавшего мировые рекорды, в почетном списке снова появилась фамилия советского спортсмена.

В. ВИКТОРОВ.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ

СЛАВА ЛЮДЯМ ТРУДА

Когда я вернулся из Москвы с Пленума ЦК КПСС, на заводе меня засыпали вопросами о проекте новой Конституции. И я понимаю, почему: ведь обсуждение проекта касается каждого из нас, каждый труженик заинтересован в том, чтобы принятие новой Конституции послужило делу дальнейшего совершенствования, улучшения всей нашей жизни.

Я внимательнейшим образом вчитывался в статьи, в строки, где говорится о нашей экономической системе, о трудовой деятельности советских граждан, потому что «Общественно полезный труд и его результаты», — как говорится в статье 13-й, — определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека.

Проект Конституции правильно и глубоко отражает изменения, происшедшие в характере труда, социальном облике нашей экономики. Сегодня у нас на заводе большинство молодых рабочих имеет среднее образование; шестьсот молодых станочников, литейщиков, кузнецов, инструментальщиков сочетают работу с учебой в высших и средних учебных заведениях без отрыва от производства; тридцать пять занимаются в аспирантуре и получают заводскую стипендию. В капиталистическом мире таких условий нет и не существует никаких гарантий на этот счет на будущее. Вспоминаю свою поездку во

Францию и толпу людей у проходной завода «Рено». Они стояли в надежде получить хоть какую-нибудь работу, чтобы куда-нибудь приложить свои руки и иметь какой-то заработок.

Подчеркиваю еще одну мысль. Характерно, что с рабочих мест начинался путь к дипломам, руководящим должностям многих тракторозаводцев. Рабочим пришел на завод нынешний заместитель главного инженера Л. Козловский; профсоюзную организацию объединения возглавляет сейчас Г. Тюхнаков, в прошлом разметчик; на должность главного технолога завода специального инструмента и технологической оснастки выдвинул слесарь-инструментальщик А. Кононович.

Труд у нас — главное. И поэтому я хочу сказать от имени заводского коллектива, что тракторозаводцы успешно несут трудовую вахту в честь 60-летия Октября. Только что поступили радостные вести о первом полугодии: сверх плана выпущено 735 тракторов, а всего сверхплановой продукции мы дали на 4 миллиона 440 тысяч рублей.

Забота о завтрашнем дне, естественно, заставляет нас, производственников, уже сегодня говорить о том, что нужно сделать для приумножения нашего успеха, чтобы люди, работая на благо общества, росли, совершенствовали свои духовные качества. Мне очень понравилось в связи с этим собрание партийно-хозяйственного актива завода, которое проходило у нас в конце июня. Деловой получился

разговор. Обсуждая проект новой Конституции, участники вносили свои предложения. Мы говорили, например, о том, что нам мешают нарушители дисциплины, бракоделы, летуны. И родилось предложение дополнить статью 69-ю проекта Конституции словами: «Граждане, сознательно уклоняющиеся от исполнения своих трудовых обязанностей, несут ответственность по закону» или «наказываются по закону». Я думаю, что такое «ужесточение» пойдет на пользу, поможет нам быстрее навести порядок в нашей большой трудовой семье.

Не обошел актив и вопросы воспитания, и не только в заводском коллективе, но и в семье. (Вот он, новый подход рабочих к своему положению в обществе!) Статью 66-ю токарь механического корпуса В. Гапеев рекомендует сформулировать так: «Граждане СССР несут ответственность за воспитание детей, обязаны готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества».

Новая Конституция СССР еще раз подтвердит неустанную заботу Коммунистической партии и Советского государства о каждом из нас. А наш долг — оправдать эту заботу своим трудом, активным участием в жизни общества.

Е. КЛИМЧЕНКО,
член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, слесарь-инструментальщик Минского тракторного завода

ПО ПУТИ К СВЕРШЕНИЮ МЕЧТЫ

Александр ЖАРОВ

Я в теплушке пью из кружки
С самой сладкою мечтой чаек.

Чай с «мечтой» — значит, чай без сахара. Да и сам чай тоже, как известно, тогда мало соответствовал своему названию. Но это несколько не снижало сладости мечты юных строителей социалистической нови.

В каждой наметке планов уже тогда виделась нам перспектива свершения. А до нас, в дореволюционной России, слово «мечта» не всегда увязывалось с понятием «свершение».

Часто под мечтою подразумевали... пустоту. Помните, у Гоголя: Чичиков, желая убедить Собакевича в том, что мертвая душа каретника Михеева — ничто, назвал эту душу мечтою. В старых русских словарях слово «мечта» не раз отождествляли с несбыточной выдумкой, игрой воображения.

Но не беспочвенными фантазерами были труженики нашей страны, решившие в корне перестроить ее, переделать в социалистическое государство по планам и научным расчетам ленинской партии.

Не дожидаясь конца гражданской войны, Ленин заблаговременно призвал молодежь к практическому участию в этой передовой стройке. Но «практически» уже тогда означало: не без связи с наукой.

Мне довелось слушать в тысяча девятьсот

двадцатом году великое напутствие Владимира Ильича, важнейшей частью его были слова: «Задача состоит в том, чтобы учиться». Вот откуда идет воплощаемый ныне в жизнь замысел — охватить учебной миллионы советских людей! Как же не радоваться сегодня, читая в проекте новой Конституции статью 45-ю 7-й главы о праве граждан СССР на образование!

Такая статья вряд ли по вкусу апологетам буржуазной демократии, кичащимся «правами человека», среди которых нет права на образование.

Читая проект новой Конституции, мы видим: миллионы советских людей, пользующихся всеми насущными правами, реально осуществляют право на всеобъемлющий культурный рост, которое не предусмотрено в конституциях капиталистических стран. Тут полезно привести мнение Алексея Максимовича Горького, высказанное им на нашем I съезде писателей: «Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества». По прошествии более сорока лет мнение это осталось неопровергнутым. Заботы капитализма о подлинной культуре народных масс несколько не увеличились.

Как не вспомнить провозглашение Конституции 1936 года! Принятие ее означало: не в словах, а на деле завершено создание основ

Многие проникновенные слова советских людей, обсуждающих проект новой Конституции, относятся к тому поколению, к которому принадлежу и я, свидетельствующий ныне о начале сознательной жизни моих сверстников, в сердцах которых непосредственно отозвался ленинский клич: «Вся власть Советам!» Этот призыв в пробуждавшемся сознании нашем породил и удивление и страстное стремление изменить все старое, косное, что было вокруг нас, вел к пылким дерзаниям в борьбе за неизведанное, подкрепленной мечтаниями о чудесных свершениях...

Разъезжавшие с комсомольскими мандатами в двадцатом году по взбудораженной стране, мы пели песенку:

Под колесами метель да вьюга.
В темном поезде мой путь далек...

КОНСТИТУЦИИ СССР

МЫ — ХОЗЯЕВА СТРАНЫ

Приподнятое настроение у строителей Мирзачуля. Успешно идет трудовая вахта в честь 60-летия Октября. Точно по графику ведется строительство объектов. И каменщики, и монтажники, и отделочники, и шоферы работают в тесном контакте, обеспечивают высокий ритм.

Большой подъем вызвало у нас опубликование проекта новой Конституции СССР. Ведь каждая его строка проникнута огромной заботой партии о повышении благосостояния тружеников, об удовлетворении их духовных запросов.

Мы — подлинники хозяева страны. Десятки рабочих нашей стройки — депутаты Советов, сотни участвуют в работе постоянно действующих производственных совещаний, избраны в профсоюзные комитеты и рабочие комиссии, входят в состав групп и постов народного контроля, в народные дружины. В нашей бригаде каждый, кроме производственных обязанностей, имеет и общественное поручение. Это — одно из проявлений широкой социалистической демократии.

Мне лично очень нравится статья 60-я проекта, в которой сказано: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области об-

щественно полезной деятельности, строгое соблюдение трудовой и производственной дисциплины».

Но поскольку партия взяла твердый курс на эффективность и качество всей работы, необходимо учесть и эти требования. Видимо, статью 60-ю следовало бы сформулировать так: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — сознательный, добросовестный, высококачественный труд...» — и далее по тексту.

У нас в Голодной степи выросли поселки городского типа со всеми удобствами. Мы, строители, стремимся сдавать жилые дома с гарантийными паспортами. Но иной раз зайдешь к новоселу, и сердце защежит: балконы перегорожены, стены разобраны, передвинуты, входная дверь поломана... В общем, новый дом уже изуродован. А ведь это народное достояние.

Думаю, что в статье 44-й к словам о праве на жилище надо добавить и другие — об ответственности граждан за его сохранность.

М. ШАКУРОВА,
Герой Социалистического Труда,
бригадир ПМК-12
треста «Мирзачульсовхозстрой»

Узбекистан,
Джизакская область.

УДАРНЫМ ТРУДОМ И ОТЛИЧНОЙ УЧЕБОЙ

В эти дни вся страна обсуждает проект Конституции. Значение этого исторического документа трудно переоценить.

Стремительные темпы развития промышленности, науки, сельского хозяйства преобразили социальный облик нашего общества, духовный мир советского человека. Можно привести следующие цифры: в довоенное время на 1000 рабочих приходилось только 44 человека с высшим и средним (полным и неполным) образованием, а в 1976 году — 664 человека.

В статье 45 проекта Конституции говорится: «Граждане СССР имеют право на образование». Причем на образование бесплатное. В странах капитала такое право не гарантируется, и люди, получившие образование, не всегда могут найти работу.

В отношении внешней политики статья 28 гласит: «Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира...» Эта статья да и сама глава — Внешняя политика СССР — вводятся впервые.

Во многих странах капитала нет права на равенство наций, равную оплату труда людей разных рас. В нашей Конституции в статье 34 записано о равенстве граждан независимо от расы, вероисповедания, пола, языка. Другими слова-

ми говоря, в проекте Конституции значительно обогащены положения о правах советских граждан.

Статья 47 гарантирует право заниматься наукой, техникой, и государство создает все необходимые условия для этого.

Партия и правительство оказали большое доверие молодым людям, достигшим 18 лет, разрешив им быть избранными в Верховный Совет, что отмечено в статье 95.

Что хочу предложить я сам?

Желательно было бы статью 60 дать в следующей редакции: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестно трудиться в избранной им области общественной полезной деятельности, строго соблюдать трудовую и производственную дисциплину». К сожалению, у нас еще встречаются лица, не желающие трудиться по избранной специальности и нарушающие дисциплину.

Я полностью одобряю и поддерживаю проект Конституции СССР и уверен, что все советские люди одобряют Основной Закон нашей жизни.

Ударным трудом и отличной учебной ответим на заботу партии и правительства.

А. АЙМЕНОВ,
аспирант Джамбульского
гидромелиоративного института

социализма. «Подшипникстрой» в Москве становился первым подшипниковым заводом. «Днепрострой» на Украине становился Днепрогэсом, на открытии тракторного гиганта в Сталинграде я выступал с приветствием от «Комсомольской правды», завершавшимся словами:

**НЕТ БОЛЬШЕ ТРАКТОРСТРОЯ —
ЕСТЬ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД!**

Время исторических свершений не приходит по расписанию. Понадобился ратный и трудовой подвиг протяженностью в четыре десятилетия, чтобы наш народ сделал свой закономерный шаг вперед, чтобы социалистическое общество вступило в пору зрелости.

В пути к расширению и углублению социалистической демократии весь наш народ безраздельно осознал себя полноправным хозяином своей великой страны.

Я влюблен в мои просторы,
В море, в небо надо мной.
Сердцу дорог каждый город,
Каждый дом — ему родной.

В поле хлеб душистый сею,
Плавлю сталь в мартенах я.
Не клочком земли владею,
Вся страна — моя.

Городам, лугам и нивам,
И озерам, и лесам,
И мечтам своим счастливым
Я хозяин полный сам.

Зной степей необозримых,
Холод горного ручья,
Вешний цвет садов любимых,
Вся страна — моя.

Там, где утро, там, где вечер,—
В той ли, в этой стороне
Отголоски всех наречий,
Как свои, понятны мне.

Мы живем в одной державе,
Вместе мы — одна семья.
И любой воскликнуть вправе:
Вся страна — моя!

«Опираясь на достигнутое, советский народ под руководством партии решает теперь новые задачи», — сказал Леонид Ильич Брежнев. Одной из этих главных задач остается создание материально-технической базы коммунизма.

Насколько впечатляюще слова об этом Генерального секретаря ЦК КПСС, можно судить по ежедневным откликам на проект новой Конституции не только в нашей стране, но и во всем мире. Символом надежд рассматривают провозглашенные в нем права многие народы. Вдумчиво, деловито, по-хозяйски заинтересованно идет разговор о проекте Конституции на наших предприятиях и стройках, в колхозах и воинских частях, в учебных заведениях и научных институтах.

В статье третьей первой главы проекта новой Конституции говорится о демократическом централизме, сочетающем «единое руко-

водство с инициативой и творческой активностью на местах».

Слова «творческая активность», относящиеся здесь к ответственности государственных органов или должностных лиц, весьма своевременны.

Так разве не своевременны были бы в Конституции слова о творческом начале в труде советского человека, строящего коммунизм! Может быть, есть смысл внести эти слова?

В составе большой группы писателей я побывал недавно в Донбассе. Громадное впечатление произвел на всех нас город Донецк, известный мне еще в годы первой пятилетки.

Тогда он назывался Юзовкой.

— Сильно ли изменилась давняя Юзовка? — спросили меня старые знакомые.

— Никакой Юзовки теперь и в помине нет.

В зелени, в цветах утопает Донецк — чистый, нарядный, солнечный. Ударным трудом, следуя почину Стаханова и Изотова, достигли шахтеры Донетчины добротного уровня жизни.

Их искренне радуют перспективы движения к следующим высотам, намеченным новой Конституцией. Об этом говорили на наших встречах горняки и студенты знаменитой Горловки, металлург, учителя и колхозники района Артемовска. В каждом из них я видел и чувствовал выросшего нравственно и культурно человека, заявляющего ныне:

Конституции новой правдивые главы,
Что геройским народным трудом рождены,
Обсуждает хозяин советской державы,
Одобрят хозяин советской державы,
Гражданин
Первой в мире свободной страны.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ПРИ

СЕМЬЯ И ШКОЛА— ЕДИНЫ

Глубоко символично, что наш Основной Закон, создающий благоприятные условия для развития общества и личности, будет принят в юбилейном году, озаренном немеркнущим светом Октября. Все, что мы имеем и будем иметь, все наши права и обязанности отражены в этом величайшем документе современности. Читая и обсуждая проект Конституции СССР, наши люди проникаются чувством гордости за великие завоевания Октября.

Меня, работника просвещения, особенно привлекают статьи, в которых отражены вопросы народного образования, гарантирующие молодежи бесплатное обучение на всех ступенях, начиная от общеобразовательной школы и кончая высшей ступенью — вузом. Особенно радует тот факт, что обязательность всеобщего среднего образования обретает силу конституционного установления.

Школе принадлежит важнейшая роль в идейно-нравственном воспитании подрастающего поколения, гармоничном развитии личности. Она прививает учащимся патриотизм, высокие моральные и нравственные качества, непоколебимую верность партии Ленина. От школы во многом зависит, сумеет ли молодой человек воспитать в себе гражданина. Школьному делу в нашей стране принадлежит особое внимание и забота партии. Мы это остро ощущаем и у себя в Нефтечалинском районе.

Учитель в наших школах понимает, какую большую ответственность он несет за воспитание подрастающего поколения. Народный учитель — проводник идей партии, идеологии развитого социалистического общества. Характер юноши и девушки, их поступки формируются у нас, в школе, и, конечно, в семье. Их идейность, мировоззрение, моральный облик находятся в прямой связи с морально-нравственным микроклиматом семьи и школы. И здесь еще и еще раз хочется напомнить о важном требовании партии, XXV съезда КПСС: вести воспитание комплексно, сочетать политическое, трудовое и нравственное воспитание. Тут многое зависит от качества нашей работы, от того, как мы сумеем профессионально сориентировать молодежь, подготовить ее к производственному труду.

По характеру работы мне часто приходится беседовать и с учащи-

мися и с родителями об активной жизненной позиции личности, о сознательном отношении к общественному долгу, о нравственном поведении в нашем обществе, одинаково обязательных для всех. Беседовать об уважении к новым традициям, обрядам, рожденным в советское время, и о борьбе с некоторыми устаревшими взглядами. Выкорчевывание старых традиций, ритуалов, обычаев, пережитков — процесс не односложный и не краткосрочный. В последнее время благодаря энергичным и решительным мерам, принятым Центральным Комитетом Компартии Азербайджана, а также глубоким переменам, происшедшим в жизни республики, идет искоренение устаревших, веками утверждавшихся взглядов, традиций. Обидно и больно бывает сталкиваться с отклонениями от норм жизни социалистического общества, когда родители порой не только не помогают школе искоренять отжившие традиции, но насильственно навязывают их юношам и девушкам.

В статье 52 записано, что за гражданами СССР признается свобода совести, то есть право исповедовать любую религию, отправлять религиозные культы или, напротив, не исповедовать никакой религии, вести атеистическую пропаганду. Я предлагаю дополнить эту статью положением, по которому верующим запрещается принуждать детей исповедовать религию.

Обсуждая проект новой Конституции СССР, мои коллеги особо останавливаются на статье 67. Охрана фауны и флоры, окружающей нас среды — важнейший долг общества, в котором мы живем. Школа, педагоги стараются прививать детям любовь к природе, призывают их беречь и приумножать национальные богатства. Для нас это особенно важно — мы живем в городе Нефтечала, расположенном на берегу Каспия, рядом протекает река Кура. На наш взгляд, было бы целесообразно изложить статью 67 в такой редакции:

«Граждане СССР обязаны беречь природу, сохранять и приумножать ее богатства, вести непримиримую борьбу с браконьерами».

А. АХУНДОВ,
заслуженный учитель
Азербайджана,
директор Нефтечалинской
школы-интерната

М. Б. МИТИН,
академик, председатель
Научного совета
по проблемам
зарубежных
идеологических течений

С большим подъемом и огромным воодушевлением советские люди обсуждают проект новой Конституции СССР, вносят многочисленные предложения и поправки, направленные на дальнейшее обогащение и улучшение проекта. Сам по себе факт такого массового, широкого, всенародного, беспрецедентного по своему масштабу обсуждения проекта Конституции является доказательным свидетельством укрепления и дальнейшего развития социалистической демократии в нашей стране.

В Советском Союзе построено развитое социалистическое общество, которое, бесспорно, является высшей формой и проявлением социального прогресса современности. Социализм в СССР развивается уже теперь на своей собственной основе. Это означает, что материально-техническая и экономическая база нашего общества, все сферы жизни его давно переросли рамки, доставшиеся нам от прошлого, и на основе гигантских достижений в строительстве нового общества мы далеко ушли вперед, создав свою собствен-

ную социалистическую основу.

Характерной чертой нашего неуклонного движения вперед, особенностью зрелого социалистического общества является высокая и небывалая ранее роль науки в нашей социальной жизни.

При социализме впервые в истории человечества происходит переход от стихийного регулирования социальных процессов к сознательному, научному управлению обществом как единой, целостной системой, при котором учитываются экономические, социальные, политические и духовные стороны общественного развития. Это управление осуществляется на основе сознательного использования (в духе идеалов научного коммунизма) объективных законов жизни. Происходит, таким образом, небывалое ранее в истории возрастание роли науки, научного познания. Высокая роль науки в условиях социализма стала общепризнанным фактором — это естественный процесс нашей жизни. Наука в условиях социалистического строя пользуется высочайшим признанием и уважением всех слоев советского народа. Достаточно напомнить, что торжества по поводу 250-летия Академии наук СССР стали у нас общенародным праздником.

Дальнейшее успешное движение вперед к коммунизму возможно только на базе непрерывного научно-технического прогресса, внедрения его

СМЕНА ХОРОШАЯ

В проекте новой Конституции СССР есть статьи, в которых с большой любовью запечатлено отеческое отношение государства к нашей молодежи. Молодым нынче даны большие права — и на учение, и на труд, и на отдых, и на развитие культуры.

В селе в последнее время стало больше молодых людей, в основном это механизаторы. Семь лет назад мы создали комсомольско-

молодежное звено из восьми человек. Так вот, средний возраст членов звена — 23 года. Мы им дали 665 гектаров земли, набор тракторов и машин. И план — получить тридцать центнеров зерновых с гектара. А ребята в ответ взяли обязательство — намолотить по 35 центнеров! Вот такая растет у нас смена.

Звено механизаторов не первый год возглавляет Виктор Гуськов. У нас их трое, братьев Гуськовых: Виктор — постарше и более опытный, заслуженный, награжден недавно орденом Ленина. Много лет работал на земле отец Гуськовых — Владимир Михайлович, это он воспитал второе поколение совхозных рабочих Гуськовых. Не только его сыновья, но и, почитай,

КТ КОНСТИТУЦИИ СССР

РОЛЬ НАУКИ СОЦИАЛИЗМЕ

результатов в производство, всестороннего развития научного знания, роста научных кадров в количественном и качественном отношении, все более широкого овладения научными знаниями советским народом, ибо социализм и наука органично и неразрывно друг с другом связаны. Все эти явления приобретают особое важное значение в условиях развитого социализма. Зрелое социалистическое общество — это общество высочайшей роли науки, ее влияния на все стороны жизни, на все сферы жизнедеятельности людей.

Идеологи буржуазного строя стараются всячески подчеркнуть роль науки в будущем развитии общества. Однако, поскольку в своих концепциях они сохраняют основы капитализма, то есть основы гнета и эксплуатации человека человеком, развитие науки выглядит у них как некий привесок, неспособный органически слиться с социальными процессами. Только при социализме, где господствует общественная собственность на средства производства, где происходит динамичный научно-технический и социальный прогресс, реально обеспечивается возрастание роли науки во всех сферах жизни общества. Хочется напомнить глубоко содержательную характеристику развитого социалистического общества, которую дал в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев. Он говорил:

«Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение. Это — общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив».

Учитывая все сказанное, думаю, что в вводной части Конституции СССР, где дается характеристика достижений Советского государства, по-моему, недостаточно подчеркнута роль науки в развитии социалистическом обществе. Считаю целесообразным в эту вводную часть внести следующее краткое дополнение:

«Это — общество, построенное на знании закономерностей исторического развития, в котором господствует научное материалистическое мировоззрение, где непрерывно возрастает высокая роль науки, всех ее отраслей: общественных, естественных, технических».

Это — общество динамичного и непрерывного научно-технического и социального прогресса, общество постоянно растущих материальных условий жизни и духовных интересов».

Это дополнение, мне представляется, можно было бы внести перед словами: «Развитое социалистическое общество — закономерный этап на пути к коммунизму».

все мальчишки нашего Марьино любили работать сызмальства в поле прицепщиками, штурвальными.

В 1976 году звено Виктора Гуськова получило самый высокий урожай зерновых в Рязском районе — более 28 центнеров с гектара! Помогла новая организация труда, материальная заинтересованность молодых рабочих. Их звено БЕЗНАРЯДНОЕ, по этой системе механизаторы — полные хозяева поля, а платят им по результатам труда. Вся ответственность легла на плечи восьми человек. Вот они и стараются работать добросовестно, умело используют каждый погожий час, берегут технику, удобрения.

Хорошая выросла смена — на-

дежное поколение совхозных земледельцев! И все-таки я дополнил бы статью 66: во-первых, после слов «растить достойными членами» вставить слово **развитого** и далее, как в проекте, «социалистического общества», во-вторых, продолжить эту статью положением «способствовать становлению **разносторонне развитой личности**». Мне эти дополнения кажутся важными, потому что и в городе и в селе необходимо в равной степени гармонично воспитывать поколение, которому жить при коммунизме.

В. П. БРАТКИН,
директор совхоза «Рязский»

Рязанская область.

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В статье 13 говорится о труде, как источнике роста благосостояния. В статье 60-й новая Конституция СССР законодательно закрепляет и такое важное требование, как строгое соблюдение производственной и трудовой дисциплины. К этому стоит, как мне

думается, добавить и **требование работать с высокими качественными показателями**. Ведь качество сейчас — первейшее требование жизни.

И. ЕФИМОВ

Москва.

С большим вниманием и волнением перечитываю проект новой Конституции СССР. В этом Основном Законе Советского государства закреплена забота о благосостоянии и счастье советского человека.

Права советских людей записаны ясно и точно.

Под руководством Коммунистической партии советский народ преобразовал нашу страну, сделал ее индустриальной, технически могущественной, великой со-

циалистической державой. Желательно добавить в статью 63 слова: «Военнослужащий обязан **выполнять свой долг по укреплению Вооруженных Сил и защите социалистического государства**».

Полностью одобряю проект новой Конституции по всем статьям.

Г. СЕРГИЕНКО,
подполковник в отставке

пос. Двуречная,
Харьковской области.

Вопрос о льготах ветеранам Великой Отечественной войны и о предоставлении им почетного положения в социалистическом обществе имеет огромное воспитательное значение для молодежи и всего подрастающего поколения нашей страны. Трудно переоценить героизм, мужество и стойкость участников Великой Отечественной войны, которые обеспе-

чили счастье и благополучие всем советским людям.

Считаю очень важным, чтобы в Конституции СССР было записано: «Ветераны Великой Отечественной войны пользуются особым уважением и правами в обществе».

В. НАГИБИН

Москва.

Полностью поддерживаю и одобряю проект новой Конституции СССР, как важный исторический документ нашей жизни.

Считаю возможным внести предложение в I раздел, 2-ю главу, 12-ю статью. Во втором абзаце по-

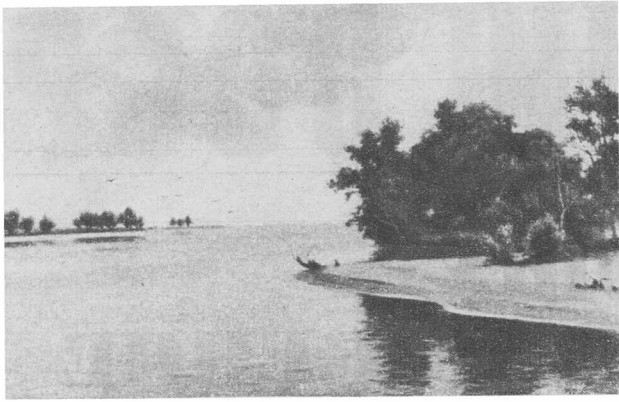
сле слов «садоводства и огородничества» добавить слово «**цветоводства**».

П. САВЕЛЬЕВ,
учитель, пенсионер

пос. Демянск,
Новгородской области.

Дорогие читатели!
Приглашаем вас принять участие в обсуждении проекта новой Конституции СССР.
Ждем ваших писем.

Дон уходит в море.

В НИЗОВЬЯХ ДОНА

Б. ЩЕРБАКОВ,
член-корреспондент Академии художеств СССР

Бывают мечты, с которыми мы не расстаемся всю жизнь. ...Дон. Более тридцати лет назад поманил он меня к себе впервые. Тогда была задумана большая картина о донской вольнице, о дерзких замыслах казака Степана Разина; но грянула война, круто изменив нашу жизнь, наши планы. И вот через десятилетия — опять Дон, уже воочию, река легендарных героев казачества, река героев наших сегодняшних дней, Дон шолоховский.

Могучая река несет передо мной свои мутноватые, с бирюзовым отблеском воды к морю. Я стою на белом прибрежном песке — серебристые ветлы чуть пошевеливают тонкими ветвями — и думаю о странностях судьбы, о том, каким кружным путем пришел я к Дону. А, может быть, это свидание не состоялось бы и еще много лет. Могло и так случиться...

Осенью 1973 года я с этюдником и прочим инвентарем начал свои скитания по донским берегам, по степным балкам да курганам. На следующий год повторилась экспедиция уже с весны, когда все молодо, свежо, зелено даже в этом южном степном краю. И незаметно свершилось покорение души неприметным, не ошеломляющим с одного удара и не бурным, но глубоким очарованием донского края.

Я уже мог, хоть и не имел на это права, воскликнуть вслед за Шолоховым: «Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, нежравеющей кровью политая степь!» Много увидел я за два года работы в верхнедонском крае. Грозы и вихри, беспечное пение жаворонков и «грустноватый посвист сусликов» — все переплеталось, то уводя в реальный до жути мир шолоховских образов, то возвращая к седоватому полыннику, задонским сиреневым даям, курганам, дремлющим под палящими лучами жаркого солнца.

Настал и день встречи с Шолоховым.

17 июня 1974 года. Это был незабываемый день, убедивший меня еще более в необычайной силе и зоркости мастера огромных полотен, требующих титанического труда. Не многим обитателям земли нашей дано нести столь тяжкую ношу, и у меня вызывают глубочайшее уважение люди, наделенные такой могучей силой.

Мне прибавило энергии немногословное, но определенно одобрителное отношение к моей работе Шолохова, и я с удвоенным пылом принялся за дело.

В последующие годы продолжались мои странствия по Дону, но теперь — в его низовьях.

Я уже не боялся скуки и однообразия степных просторов, с каждым днем меня все больше влекли необъятное пространство и сливающаяся с небом у горизонта пологие холмы, безмятежная водная гладь реки.

Необычайно ощущение пространства в гирле Дона. Одна из картин и получила название «Дон уходит в море». Растворение в бесконечном морском просторе, последние деревья на низких берегах и неумолкающий крик чаек... Все вместе создавало какое-то необычайное настроение, светлое и несколько грустное. Это было прощание с Доном.

Азов — небольшой степной городок с очень интересным прошлым. Он был свидетелем первой победы юного Петра. Потомки донских казаков, живущие в дельте, большие патриоты своих мест, отзывчивые, радушные люди, влюбленные в простор и высокое небо над головой. Неподалеку от того места, где Дон впадает в море, всего в двух часах ходу на катере, расположен Таганрог — родина А. П. Чехова.

Есть в Таганроге небольшой дом с кустом акации перед окнами. Здесь в течение двух лет, пока не окончил гимназии, жил Антон Павлович, здесь он впервые приобщился к литературным занятиям, здесь стал писателем. Все вокруг пронизано солнцем, этот свет является как бы главным действующим лицом мотива, он все одухотворяет, создает настроение.

В Таганроге много мест связано с именем Чехова. Домик, где он родился, греческая школа и гимназия, дом дяди на углу Донского переулка, на две улицы углом выходящий «дом Ионыча», бакалейная лавка купца третьей гильдии Павла Чехова — свидетельства жизни и быта чеховской семьи. Тихие, отдаленные от центра улочки Таганрога, окружающая природа, пейзажи, запечатленные почти век

назад пером Антона Павловича, и сейчас еще хранят приметы того времени.

Именно словами Чехова хочется сказать о степи: «Загорелые холмы, бурно-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным...» Примерно такую картину являет собой долина реки Миуса близ села Никольского. Необычайно мягкие краски, удивительная воздушная перспектива — все гармонично и спокойно в этом мире. Кажется, что ни страстей, ни бурь, ничего, угрожающего тихой жизни природы, не существует.

Пожалуй, именно здесь, в Таганроге и его окрестностях, особенно ясно рисуется облик Чехова — беспощадного правдолюбца, острого, ироничного наблюдателя жизни.

Иное настроение испытал я на берегу Миусского лимана: над широкой гладью вод багровое солнце, медленно гаснут краски, с каждой минутой все меняется, и какая-то тревога закрадывается в сердце. В этом краю везде и всюду поражает пространство. Пространство и тишина — столь редкие явления в нашей торопливой и шумной жизни.

Стою на последнем островке донской земли. Передо мной бесконечная даль тихого Азовского моря, у горизонта оно сливается с небом, и его обманчивая глубина соединяется с необозримыми просторами этого легкого и неяркого южного неба. Мне кажется, я хорошо понимаю немногочисленных местных жителей, потомков низовых донских казаков, которым дороги эти просторы, эта тишина и какое-то необыкновенное ощущение мира, которое испытываешь здесь.

В нескольких километрах вверх по Дону последние поселения, на правом берегу — станица Донская, на левом — хутор Узак. А дальше живут только чайки. Сюда, на этот пустынный берег, доставил небольшой буксирный катер с названием «Кранец». Капитан катера Иван Иванович Безуглый, с гордостью похлопывая тяжелой ладонью по железным бокам своего суденышка, говорил: «Вот невзрачная, может, на вид посудина, а с сорок седьмого года без капитального ремонта ходит». Он с видимым удовольствием гонял катер вверх и вниз по Дону, показывая местные достопримечательности. Например, ерик Казачий, как рассказывают, вырытый казаками по приказу Петра I за одну ночь, чтобы пропустить флотилию в обход турецких береговых башен, закрывших выход к Азову с помощью железных цепей, перекинутых через Дон, и мощных артиллерийских батарей. Свои батареи Петр поставил ниже Азова на противоположном берегу, откуда азовская крепость была почти не защищенной.

— Вот это Петрова батарея, — сказал нам капитан, указывая рукой на остатки земляных валов, поросшие ветлами и огороженные забором из тонких жердей.

Раздвигая шуршащие высокие камыши, катер подходит к берегу и пристает между двух старых ветел.

Двигатель выключен, на берег брошен трап, и мы опять среди первозданной тишины, нарушаемой лишь криком чаек да шелестом прибрежных камышей. Вскоре готов и обед. Нас четверо, а ухи с полведра. На столе гора рыбы в большой миске, пшеничный хлеб, нарезанный ломтями в два пальца толщиной, глубокие тарелки с ухой, аромат которой убивает все запахи не только леса, но и машинного отделения...

Прощаясь с Доном, я увозил впечатления от мерных всплесков волны о белый прибрежный песок, воспоминания о бесконечности легкого, светлого неба, тишине и шелесте сочных трав на пойменных лугах, о просторах, навстречу которым невольно открывается душа.

Мне, жителю севера, немало ходившему по берегам наших лесных озер и рек, находившему удивительную гармонию в сочной зелени северных пейзажей, степные просторы юга при мимолетном знакомстве казались малоинтересными, скучными.

Теперь я вижу в них ту особую неповторимую прелесть, ту притягательную силу, которая так влечет «степняков» в их родные места. И для себя как художника делаю вывод, что природа не только бесконечно разнообразна, но и прекрасна во всех своих проявлениях. Она неисчерпаемый источник обогащения человеческой души.

Б. Щербаков. Род. 1916. ДОМ А. П. ЧЕХОВА В ТАГАНРОГЕ. 1976.

Б. Щербаков. УСТЬЕ ТИХОГО ДОНА. 1975.

Широки Небеса

Иван БАРАББА

Лиманы, лиманы...
Живая водица —
Мальчишней мечты океан.
В разбеге споткнется
Степная пшеница,
С бугра — головою в лиман.

То крыжень закричат
В тиши очумело,
То стрепет вдали прокричит.
Шипят камыши —
Половецкие стрелы,
В безмолвии целясь в зенит.

Лиманы, лиманы...
Деды вековые —
По берегу шрамы подков.
Я слышу опять ваши сказы
Хмельные
Про вольность лихих казаков.

Лиманы,
Лиманы тревожного детства —
В лиманах кишат караси.
Куда мне, лиманы азовские,
Деться
От вашей рыбацкой красы?

Не раз принимаясь
За страдное дело,
Пугая пятнистых ершей,
Шестом раздвигал я
Каленные стрелы
Нацеленных в синь камышей.

Лиманы, лиманы...
Вы вновь задремали,
Упрятав под зимние льды
Казацкие были,
Рыбацкие дали —
Моей плоскодонки следы.

УТРО В ГОРАХ

Умаявшись за ночь, цикады
Умолкнут в объятиях сна.
И только у старой ограды
Цикадит цикада одна.

Сорвется скандальная сойка
С вершины высокой ольхи,
Во всех закоулках поселка
Со сна заорут петухи.

Сквозь листья сырого жасмина,
Сквозь яблони дымчатый цвет
С горы просочится в долину
Молочно-лиловый рассвет.

В наивном своем удивленье
Синица торочит: «Тить-ти!»

Рога обжигая оленье,
Торопится солнце взойти.

И снова цикадят цикады,
Воспрянув от чуткого сна.
И только у старой ограды
Затихла цикада одна.

ЗАЦВЕЛИ ВОРОНЦЫ

Зацвели воронцы
Возле тихого Дона,
Зацвели воронцы
Возле белого дома.

Догорают они
За вечернюю дымкой,
Полыхают они
В волосах у любимой.

Зацвели воронцы
На меже тополиной.
Зацвели воронцы
На душе соколиной.

Зацвели воронцы...
Зацвели и не вянут,
Цветом огненным
Сердце влюбленное ранят.

Говорят воронцы
Про девичьи страданья,
Неисполненных
Радостных встреч зореванье.

Зацвели воронцы
Возле тихого Дона.
Зацвели воронцы
Возле белого дома.

Широки небеса парусиновые,
Облака высоки и легки.
За Урупом
Глаза твои синие
Зацвели, как в полях васильки.

И сады и дубравы услышали
Голос твой,
Как ручей молодой.
Над станичными белыми крышами
Ветер веет вишневой пургой.

Я ловлю серебро лепесточное,
Я подумал:
Наверное, ты
На дороги, что криво
прострочены,
Из окошка бросаешь цветы.

— Где весны твоей край,
Где начало? —

Я спросил у березки лесной.
И она ничего не сказала,
Покачала
В ответ головой.

Мимо счастья,
Мимо радости,
Мимо собственных удач
Конь моей далекой младости
По лугам несется вскачь.

По росе
В красе безбрежной
Без узды, без седока
Скачет, мною не объезженный,
В черной гриве — облака.

Ты постой плескаться гривою,
Третья силушку свою.
Сам я прыть твою строптивую
Зануздаю, подкую.

Полетишь, как в прежней
младости,
Белой лунностью дорог
Прямо к счастью,
Прямо к радости
И удаче на порог.

Выйдет, глянет чернوبرовая,
Черноглазая моя.
Поведет в ворота новые
Черногривого коня.

С прежней лаской
Торопливою
Даст водицы и овса.
Молодая, и счастливая,
И удачливая вся.

Смеялась женщина и плакала,
Судьбу злосчастную поправ.
Слеза задумчивая капала
На белый ситцевый рукав.

Девичья молодость-отрада
С тревожной зрелостью сошлась,
Как цветень сада
В спелую ягоду,
В огне зари перелилась.

А губы пахнут земляничкой
И той же алошью горят.
А люди с завистью великой
Ее напраслиной корят.

И за слезой слезинка капала
На белый ситцевый рукав,
И на цветах росинка плакала,
Сиянье радуги вобрав.

Выйду в степь, на поля
плодородные,
Поднимусь на высокий курган:
Ты цветы, моя милая Родина,
Колыхая хлебов океан.

Где шумели мечи харалужные,
Где земля засеивалась свинцом,
Наливаются зерна жемчужные
И пестреют луга чебрецом.

От Кубани к раздольям Дуная,
Через Днепр, через Волгу и Дон
Ходит полем пурга урожайная,
Бьет колосьев раскованный звон.

Снеговые вершины нагорные
Отмечают туманный мираж:
Степь до края наполнена зернами,
Как набитый лежит патронташ.

Выйду в степь. За степными
прокосами
Чья-то песня плывет в тишине,
Огневными литыми колосьями
Колыхается радость во мне.

А я-то совсем не заметил,
Как лучшие годы прошли,
Покуда не выстелил ветер
Былых моих дней ковыли.

Как юность моя отзвенела
С громами военной судьбы,
За быстроту речкою Белой,
Колосьями в желтой степи.

Мне все представлялось иначе,
Что буду я вечен, как бог.
Уходит любовь и удача,
Как эта трава из-под ног.

Луна упирается рогом
В откованный панцирь горы,
И ветер по пыльным дорогам
Осенние крутит дары.

Но в пору вечернюю
Вряд ли
Я буду у Белой реки
В полях собирать после жатвы
Потерянных дней колоски.

Коль вовремя сам
не заметил,
Как юные годы прошли,
Пусть выстелит веющий ветер
Былых моих лет ковыли.

Василий ПОПОВ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПИНКИСЕВИЧ.

То, что я хочу рассказать, не вымысел. Я изменил лишь имена людей, с которыми столкнул меня случай в доме отдыха «Вербилки».

В тот вечер после ужина ко мне в комнату вошел мужчина. Коренастый, среднего роста, голова отликает серебром. Светло-серый костюм оттенял загар на лице, придавая всему его облику элегантность и молодость, так что я не рискнул бы дать ему пятьдесят. Поздоровались. Он поставил на пол небольшой чемодан.

— Алексей Петрович, — представился он и поискал глазами место для «авоськи» с фруктами и дыней.

— Кладите сюда, — предложил я, убрав со стола книгу и газету.

Он достал из сумки два румяных яблока, с добродушной улыбкой предложил:

— Отведайте наших, ташкентских.

— Какие у вас планы на завтра? — спросил он меня.

— Завтра — последний день отдыха. Но утром, как всегда, после завтрака до обеда — на веслах. Составите компанию? — предложил я.

— Не решусь, — вздохнул он. — Сердце шалит.

Утром мы с Алексеем Петровичем отправились на Дубну. Он расположился на пляже, а я взял лодку. Не успел сделать и десятка взмахов веслами, как услышал детский голос:

— Дяденька, покатай нас!

Оглянулся. На косогоре стоят двое: худенький мальчуган лет семи и девочка чуть поменьше, полненькая, курносая, с пухленькими губешками. Стоят и просяще смотрят на меня.

— Занимайте места, — сказал я ребятам, причалив к берегу.

Катал маленьких пассажиров до самого обеда. Вернувшись, отправил ребят домой, а сам направился к скусающему Алексею Петровичу.

— Как покатались? — поинтересовался Алексей Петрович.

— Хорошо! — И мы не спеша пошли к своему домику.

— Весело у вас было: я слышал с берега, как смеялись дети.

— Да, — подтвердил я. — И такие говорливые! Все рассказали: и что отдыхают здесь по курсовке, и что живут в поселке, и о родителях, и даже о бабушках с дедушками. Курносую звать Любашей, а ее братишка, — я взглянул на Алексея Петровича, — ваш тезка: Алексей Рубцов.

По лицу моего собеседника будто пробежала тень, он на мгновение застыл, потом задумчиво промолвил:

— Их имена... Люба, Алеша... Будто моя жизнь и жизнь одной женщины, которую тоже звать Любашей, продолжается. — Он умолк ненадолго и заговорил снова: — Вас удивило, что я приезжаю сюда из Ташкента. Не могу не приезжать. Здесь я познакомился с ней, здесь мы полюбили друг друга. Хожу по лесной тропинке или сижу на старой скамейке, что у волейбольной площадки, всюду чувствую ее присутствие. Четыре месяца счастья, которые она мне подарила, — единственные в моей жизни.

— Когда же это было?

— За две недели перед войной. Тогда мы вот такими же молодыми были. — И Алексей Петрович показал глазами на проходящую мимо нас парочку. — Правда, мы тогда стесня-

— А почему бы нам не пригласить их на дыню с фруктами? — предложил Алексей Петрович, когда ребята убежали.

...Из столовой он направился домой, а я — к Рубцовым. Жили они на частной квартире рядом с домом отдыха.

За столом было все семейство.

— Это дядя Вася, — представила меня Любаша, оказавшись очень похожей на мать.

— А вы — Вера...

— Александровна, — подсказала она мне.

— Михаил, — назвал себя отец семейства. — Вот и познакомились. Присаживайтесь за компанию. — И он пододвинул к столу табуретку.

— У-ух! Жареные грибы... Но вас ждет вот такая дыня! — И я развел руки. — Мой сосед приглашает всех вас на дегустацию.

— На дегустацию, — недовольно протянул Алеша. — А говорили — дыня.

— Дегустация — значит проба, пробовать дыню, — объяснил отец сыну и, посмотрев на меня, сказал: — Неудобно как-то. И с какой стати он нас приглашает? Мы не знакомы...

Он взглянул на жену. Она кивнула головой.

— Хорошо. Через пять минут будем готовы, — решил Михаил.

...Алексей Петрович встретил нас на пороге. Поздоровались. При имени «Вера» он чуть изменился в лице.

Стол уже был выдвинут на середину комнаты, «авоськи» исчезли, вместе с дыней на салфетках лежали яблоки. Михаил достал из сумки нож, вилки, нарезанный хлеб, бутылку сухого вина и кастрюльку, из которой вырвался запах жареных грибов.

Сосед принялся ловко разделять красавицу дыню. Михаил разлил по стаканам вино.

Дети принялись за дыню. Вера была как-то скованна, а сосед мой улыбался и испытующе поглядывал то на ребят, то на их мать.

— Как люди быстро сходятся в доме отдыха! — заметил Михаил, снова разливая вино по стаканам. — Час назад дети рассказывали нам о дяде Васе, а сейчас уже сидим за одним столом, как старые знакомые.

— Это, видимо, происходит потому, — подержал я разговор, — что мы все приезжаем сюда с одним намерением: приятно провести отпуск. А без людей это невозможно. Даже если кто-то вроде меня отдает здесь предпочтение уединению и тишине, все равно долгое одиночество гнетет.

— Да-а, одиночество — штука страшная, — вздохнул Алексей Петрович, поднимая стакан. — Чтобы никто из вас не испытал его в жизни!

ЦЕНА ЛЮБВИ

— Из такого далека приехали в Подмосковье? — удивился я. — Кто-то посоветовал или...

— Как вам сказать? — замялся Алексей Петрович. — Я здесь не впервые, иногда приезжаю сюда на два-три дня. В общем, лучше подходит «или».

Как мне самому ни нравились «Вербилки», но никогда бы не подумал, что обычный подмосковный дом отдыха — именно то место, куда просто так едут на два-три дня за несколько тысяч километров. Видимо, что-то крепко связывало моего нового соседа с этими местами. Но что? Что кроется за этим «или»?

Смолкла музыка на танцевальной площадке, закончились шахматные и шашечные баталии, отдыхающие расходились по корпусам. Мы с Алексеем Петровичем направились к реке, побродили по берегу.

лись так ходить, но, чего греха таить, по молодости и в те времена не каждый умел дорожить любовью, пронести ее через жизнь чистой, незапятнанной... Не смог, к несчастью, этого сделать и я. А как она меня провожала в командировку на Урал! Будто чувствовала недоброе. По ее щекам текли крупные слезы. Я по сей день чувствую на губах их соль... Больше я не видел ее. — И он умолк.

Мы были уже около домика, как вдруг увидели бегущих к нам детей.

— Дядя Вася, мама и папа зовут вас на жареные грибы!..

Мне не хотелось уходить от Алексея Петровича. Я надеялся услышать продолжение его рассказа и потому ответил:

— Передайте маме с папой, что я благодарю их, но едва ли смогу прийти.

Чокнулись, выпили.

— Ну как дыня, вкусная? — весело обратился сосед к ребятам. Те с набитыми ртами закивали головами, их перемазанные соком мордашки сияли.

— В другой раз привозите больше дынь, — пошутил я.

— А вы часто здесь отдыхаете? — спросил у меня Алексей Петрович.

— Шестой год подряд. Меня «Вербилки» манят к себе свежестью воздуха соснового бора и тихой извилистой речушкой. Вы знаете, в этих местах она просто неповторима. Что ни поворот, то новая картина. Сосновый бор неожиданно сменяется ивами, склоненными над водой, ивы — непролазным кустарником. Или вдруг откроется взору зеленый луг, а еще шаг — и обрывистый берег, весь прос-

верленный гнездами ласточек. А кругом ни души. Только птицы щебечут, листва перешептывается с речкой. Да что я вам рассказываю? Надеюсь, вы здесь не впервые?

— Мы тоже тут почти каждое лето бываем, — сказал Михаил. — Нам очень нравится. Особенно Верочке. Для нее эти места дороги.

— Чем же, если не секрет? — спросил взволнованно Алексей Петрович.

— Какой тут секрет, — ответила она, слегка смутившись. — Просто у каждого человека есть свое, заветное, дорогое сердцу, что он бережно хранит всю жизнь. Для меня это память о маме, которая умерла три года назад. Она любила эти места. Она мне рассказывала, как в этом доме отдыха встретила и полюбила моего отца...

— Скажите, ее звали... Любой?.. — Алексей Петрович поднялся. — Любовью Матвеевой? — Последние слова он произнес почти шепотом.

— Вы знали мою маму? — Вера широко открыла глаза.

Алексей Петрович хотел что-то ответить, но рука его непроизвольно потянулась к сердцу. Он побледнел.

Я быстро встал, взял с тумбочки валидол и подал ему.

— Может быть, за врачом сбегать? — робко предложил Михаил, поднимаясь из-за стола.

— Не надо... Пройдет... Вы меня простите, — пробормотал Алексей Петрович.

— Ему лучше побыть одному, — шепнул я гостям.

Рубцовы ушли, а я помог Алексею Петровичу добраться до кровати:

— Вам надо успокоиться, поберегите сердце...

— Сердце, — пренебрежительно отмахнулся он. — Любаша была здесь... Может быть, надеялась, как и я... Ее не нашел, а их... Понимаешь, нашел... Верочку, внучат... А Люба... Правду говорят: радость и горе вместе ходят.

— А вы радуйтесь. Дочь какая! Внуки! Только вот не ошиблись ли вы: Вера-то не Алексеевна, а Александровна...

— Это так и не так, — угрюмо ответил он и умолк, закрыв глаза.

Молчание длилось недолго. Он вытер полотенцем мокрое от слез лицо и начал неторопливо рассказывать:

— Я вам говорил, что расстался с Любой в начале войны: командировали на Урал. Там меня поселили к одной молодой вдове. В первое время наши отношения не выходили за обычные рамки. А потом она стала проявлять ко мне особое внимание. И я не устоял. Опомнился, да поздно: узнаю, будет ребенок. Трудно передать, что я пережил. Для меня было ясно: таким меня Любаша не примет. Да и как бросить своего ребенка?! Так и не вернулся из этой, горько говоря, затянувшейся командировки, заранее зная, что обрекаю себя на жизнь с нелюбимой женщиной. Позже спрашивал себя: «Почему так случилось?» Ответ был и остается один: не знал настоящую цену любви. А цена-то ей — жизнь. Написал обо всем Любе честно. Прощения не просил да и вообще не ждал ответа. Прошло еще сколько-то месяцев, и вдруг выясняется, что ребенка-то и не будет. Дескать, ошибка произошла. Схитрила женщина. Такое перенести было сверх моих сил — я ушел от нее. А Любаша все это время вот где была. — Алексей Петрович прикоснулся ладонью к груди. — Я снова написал ей, но письмо вернулось со штампом: «Адресат выжил». А вскоре получаю письмо от ее подруги. Письмо суровое, как приговор военного трибунала. Суть его была такова. У Любы от меня родилась дочь, Верочка, на Любе женился некий Александр, удочерил девочку, увез их с собой (куда, подруга не сообщила) и вскоре ушел на фронт. А потом Люба оповестила подругу, что получила похоронку. Это и заставило ее по праву лучшей Любиной подруги взяться за перо, чтобы сказать мне все, что она обо мне думает... Мне нужен был адрес Любы. Послал ее подруге три письма. Но она упорно молчала. С трудом вырвался на три дня в Москву. «Ольга Михайловна, — сказали мне ее соседи, — погибла при бомбежке». Все ниточки оборваны.

— Неужели вы больше не искали их?

— Не искал?! Сколько было написано писем! И на каждое месяцами ждал ответа

Понимал, военное время. Многие ищут пропавших детей, отцов, братьев. Шли годы, кончилась война. Я посылаю запросы, но надежда все больше таяла. Судьба бросала меня по свету. Урал, Минск, Карелия, Братск, Ташкент... Все эти годы мыслями я жил с ними. Я отмечал ее день рождения... Видел, как Верочка бежит в школу, как Любаша нянчит нашего внука... Что я теперь скажу Верочке?.. Поймет ли, простит ли меня? Ведь она для меня — единственный родной человек. — По щекам Алексея Петровича текли слезы.

...Прошло некоторое время. С Рубцовыми мне как-то не приходилось встречаться, хотя жили мы в одном городе и даже в одном районе. Но вот однажды раздался звонок. Я открыл дверь: передо мной стоял Михаил.

— Я ненадолго. Приехал пригласить вас в гости, — улыбаясь, сказал Михаил.

— По какому случаю? — полюбопытствовал я, немного удивившись.

— Помните Алексея Петровича? Дыней еще нас угощал...

— Ну как не помнить!

— Так вот, когда вы уехали, Верочка пошла навестить его, больного. Через час-полтора я зашел за Верой. Открыл дверь и ахнул: она сидит около его постели, а он прижимает ее ладони к лицу и целует, целует... Целует и плачет. Что же вы думаете? Он оказался ее отцом! Невероятно! Мы тогда из «Вербилков» поехали к нему в гости. На следующий год он у нас гостил. Поставил памятник Любови Матвеевне. А Верочке каждую неделю звонил, ребят подарками одаривал. А теперь совсем к нам переехал. Вот по этому случаю завтра у нас большой праздник. И он вас приглашает и мы все. Так приезжайте завтра.

Фото Вл. ПЕРЕЛЬМАНА

последнее интервью

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

Э

то было совсем недавно... Совсем незадолго до внезапного известия о том, что Лемешев уже нет в живых, что перестало вдруг биться сердце великого артиста.

Мы договорились с Сергеем Яковлевичем о встрече: во вторник, в шесть часов... И вот я мчусь по летней гудящей Москве, поглядывая на часы. Влетаю во двор, в подъезд, на шестой этаж. Звоню в дверь. Прохожу в комнату. Сажусь... Ну вот, теперь я спрошу — он ответит. Спрошу — ответит. Потом снова помчусь...

И вдруг я опомнилась. Неужели, подумала, ощущение необычного совсем уже во мне притупилось? Неужели мы, современные люди, настолько уже свиклись с необыкновенным, настолько привыкли к невероятному, что неспособны даже удивиться, если рядом с тобой человек выдающийся?.. Человек, которому рукоплескал мир, который прославил наше советское искусство, чью фамилию знал каждый.

ЛЕМЕШЕВ. ЛЕМЕШЕВ. ЛЕМЕШЕВ...

А он в своей голубой с открытым воротом сорочке был так естествен, ясен, доброжелателен и прост, что чувство дистанции вновь меня покинуло. Восстановились равновесие и покой. Так же действовала и вся атмосфера этого дома, обнаруживавшая душевные свойства самого хозяина, она влияла и на пришельцев, гостей.

У Сергея Яковлевича был тип лица, который хочется назвать есенинским: округлый подбородок, указывающий, впрочем, на твердость характера, прямой нос, склад рта, как бы таящий печальную улыбку, и пристально-задумчивый взгляд светлых глаз. Накануне своего 75-летия Сергей Яковлевич обаятелен, как, возможно, не был даже в свои юные, блистательные годы. И, я думаю, вот почему: молодость в юноше естественна, но когда по-молодому общительным, по-молодому отзывчивым, насмешливым и озорным оказывается человек, проживший долгую жизнь, нельзя им не восхищаться, не поддаться обаянию личности.

Было особо интересным узнать, под воздействием каких обстоятельств, закономерностей или случайностей эта личность формировалась.

Так вот: шел 1919 год...

— Мне исполнилось семнадцать, — сказал Сергей Яковлевич, — когда к нам, в Тверскую губернию, в деревню Князево, приехал московский инженер с семьей. И он сам и жена его были люди высокообразованные, интеллигентные, любили и знали музыку. В Князеве они открыли худо-

жественно-ремесленную школу. Устраивали любительские спектакли, в них участвовал и я. До этого я распевал песни, частушки на рыбалках, но о серьезном пении и не помышлял... Спектакли наши проходили на маленькой импровизированной сцене; в публике сидели люди, кого я знал с детства и кто с детства знал меня. Но когда поднимался занавес, я казался себе совсем другим человеком. Зрители меня не узнавали, да и я никого не узнавал: на сцене шла новая, несравнимая ни с чем жизнь, и она увлекала меня... В семье московского инженера отнеслись ко мне с бережным вниманием. Жена инженера училась в консерватории, она стала заниматься со мной, рассказывала о Большом театре, о Собинове, и как-то, показывая мне его портреты в разных ролях, вдруг сказала: «Вот и вы когда-нибудь будете выступать в таких костюмах...»

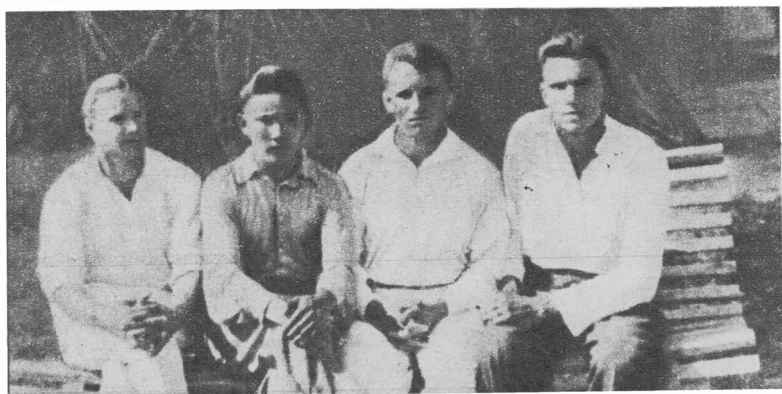
Влияние этих людей на меня было очень сильным. За год нашего знакомства они так расстроили мою душу, что я стал верить, что мне действительно надо петь. И вот зимой, в начале двадцатого года, я узнал, что в Твери существует клуб Третьего Интернационала, где выступают артисты, певцы. И я решил сходить в Тверь — от нашей деревни верст сорок. Был я, помню, в валенках, в ватной куртке, в русской рубашке, подпоясанный ремешком. Нашел клуб. Кого первым встретил, к тому и обратился: «У вас сегодня вечер, так мне хотелось бы выступить». Передо мной стоял высокий, видный мужчина. «А что вы, — спрашивает, — спеть можете?» Я перечислил, какие знал, романсы, арии, но чувствую: вроде не верит он мне. Тогда говорю: «Хотите, сейчас вам спою?» Кстати, я и раньше, когда пению еще не учился, мог в любой момент запеть, а когда всерьез стал заниматься, мне уже надо было прежде «разогреться», найти голосу правильную дорогу, сразу, с наскоку я уже себе петь не позволял. Но тут времени оставалось мало. Начал я с романса Надир — сразу же и получил разрешение выступить вечером. Помню, холодно было. Люди сидели в пальто. Ведущий вышел. «Товарищи, — сказал, — тут паренек пришел из Князева, хочет вам спеть». И начал я с арии Ленского... А потом пел и пел. Весь вечер пел — все не отпускали. Тогда я услышал: «Надо вам учиться. В Москву надо ехать. Мы поможем...» Но я не мог ни дня больше в Твери оставаться: с продовольствием плохо было, достать негде, а запасы мои кончились. Правда, весной того же года я снова пришел в Тверь, май уже был на дворе, соловьи пели, и я повстречал в городском саду своего приятеля в замечательно красивой военной форме. Решил: наверно, он командир. Но приятель сказал: «Нет, пока только учусь на командира. А ты что делать думаешь?» Я ему: «Хочу учиться петь». А приятель: «Да ты с ума сошел! Кто сейчас занимается такими пустяками?»

НАРОДНЫЙ А

Сочи, 1938 год. Ю. Цеденбал (второй слева) среди выпускников Сибирского финансово-экономического института.

Несколько лет я был деканом по работе с иностранными студентами в Иркутском институте народного хозяйства, руководил монголоведческой секцией научного студенческого общества при кафедре истории КПСС. В качестве командира интернационального строительного студенческого отряда трижды выезжал в МНР.

Сейчас у нас учатся 144 монгольских студента, а 206 посланцев социалистической Монголии уже имеют диплом нашего института.

Первым из числа монгольских граждан в 1938 году окончил институт Юмжагийн Цеденбал — ныне выдающийся партийный и государственный руководитель Монгольской Народной Республики, видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, пламенный борец за социализм и мир.

В приветственном послании в адрес института по случаю 50-летия начала подготовки монгольских кадров в учебных заведениях СССР он написал: «Для меня, сына бедного скотовода, было высшим счастьем учиться и получить среднее и высшее образование в первой стране социализма — Советском Союзе, на родине Великой Октябрьской социалистической революции и величайшего друга и учителя угнетенных народов Востока В. И. Ленина».

Далее, вспоминая студенческие годы в городе на Ангаре, товарищ Ю. Цеденбал писал:

«Важное воспитательное значение для нас имело и то, что мы, как равные среди равных, учились и трудились вместе с сынами и дочерьми многонациональной семьи советских народов, воспитывались в духе пролетарской солидарности и дружбы народов, вместе с советскими студентами принимали непосредственное участие в общественной жизни финансово-экономического рабфака и института...»

В период учебы в Советском Союзе мы были окружены глубокой заботой и вниманием, подлинно братским отношением со стороны наших советских друзей, воспитанных Коммунистической партией в духе принципов пролетарского интернационализма».

Гордость института составляют его выпускники: Д. Моломжамц — член Политбюро ЦК МНРП, секретарь ЦК МНРП; Д. Содном — заместитель Председателя Совета Министров МНР, Председатель Госплана МНР; Е. Очир — министр внешней торговли МНР; Ц. Молом — министр финансов МНР; О. Няма — министр коммунального хозяйства и бытового обслуживания МНР; М. Лхамсурэн — Председатель Госкомитета по труду и зарплате при Совете Министров МНР; Д. Данзан — Председатель правления Госбанка МНР и многие другие.

В своих письмах они пишут, что будут и дальше неустанно учиться на примере и опыте советских людей — пионеров социализма и коммунизма, быть верными знаменами пролетарского интернационализма, выражают благодарность институту. Д. Моломжамц писал: «Я и моя жена, Жамцын Цэрэн Янжин, которая тоже училась вместе со мной и окончила наш институт, всегда храним в своих сердцах светлые и искренние чувства глубокого уважения и признательности родному институту».

В декабре 1974 года делегация института в составе доцентов М. И. Баканова и И. Ф. Кулеша, выезжавшая в Монголию, чтобы обсудить, как лучше готовить экономистов для братской страны, была принята товарищами Ю. Цеденбалом и Д. Моломжамцем.

Очень интересной и сердечной была встреча с выпускниками, ныне руководящими работниками министерства финансов и правления Госбанка Монгольской Народной Республики. Она состоялась в Улан-Баторе, где я и М. И. Баканов находились в составе делегации Минвуза СССР во время празднования 30-летия Монгольского университета. Наши друзья очень тепло вспоминали о своей альма-матер, о тех, кто приобщал их к современной науке.

Кафедра истории КПСС издала сборник студенческих рефератов «50 лет дорогой борьбы и побед». Он был удостоен первой премии на конкурсе научно-исследовательских работ вузов Восточно-Сибирского региона. Среди авторов сборника были и монгольские товарищи. В 1975 году они пригласили меня на встречу в горном ревосмола.

Встретился я и с бывшими членами студенческого строительного отряда «Интер-72» М. Билигсайханом, О. Жандавсурэном, С. Очирпурэном, Л. Нямсурэном. На уборке овощей в Кабардино-Балкарской АССР монгольские ребята выполняли более трех норм в день. Урванский РК КПСС и райисполком прислали потом к нам в институт письмо, где говорилось: «С первого дня в совхозе «Урухский» представители Вашего славного студенческого коллектива жили одной жизнью с рабочими. Наши заботы стали заботами посланцев иркутского института. Бойцы студенческого отряда «Интер-72» уезжают с чувством исполненного долга».

Радость и теплота встреч, сердечные письма — все это говорит о признательности наших питомцев институту, его преподавателям. Монгольские специалисты, получившие образование в СССР, вносят действенный вклад в строительство социалистической Монголии. И в этом еще одно проявление братской дружбы наших народов.

Доцент К. Л. МАЛАКШАНОВ,
заведующий кафедрой истории КПСС
Иркутского института народного хозяйства

«И УВИДЕЛ Я ЖИЗНЬ НАСТОЯЩУЮ, НОВУЮ»

Людмила Смирнова,
1919 год.

28 января 1918 года в Восьегоонске была установлена Советская власть. В неимоверно тяжелых условиях пришлось коммунистам утверждать в этом медвежьем углу новую жизнь. «И только горячая вера в торжество и правоту пролетарской революции, железная дисциплинированность в отношении требований партии давали силы местным работникам бодро смотреть вперед и неуклонно проводить в жизнь то евангелие, которое возвестила освободенному подъяремному народу истинную народную советскую власть», — писал один из активных участников преобразования Восьегоонья, А. И. Тодорский. Его книга «Год — с винтовой и плугом» — отчет о работе Восьегоонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1918 году. Она была издана в канун первой годовщины Октября и стала знаменитой. Вла-

димир Ильич Ленин посвятил ей целую статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов».

Что же произошло в Восьегоонске, в первый же год Советов ставшем яркой звездочкой на карте великих преобразований страны?

В предисловии ко второму изданию А. И. Тодорский писал: «...мы имели законное основание гордиться. Мы победили классового врага; вышли из продовольственного кризиса; не дав бедноте умереть с голода; ввели обязательное обучение, открыли семь двухклассных училищ, организовали широкое внешкольное образование с десятками школ для неграмотных, развернули культурно-просветительную работу во всех деревнях; начали строительство железной дороги... протяжением 110 верст и крупные дорожностроительные ра-

боты; оборудовали телефонную станцию, типографию, механические мастерские для ремонта сельскохозяйственных орудий, электростанцию, лесопильный и хромовый заводы; издавали газеты, брошюры и даже книги».

Владимир Ильич неоднократно обращался к книге «Год — с винтовой и плугом», живо интересовался делами восьегоонских товарищей. В мае 1919 года по его инициативе в Восьегоонск поехал поэт Демьян Бедный с группой студентов, изучавших советское строительство.

После этой поездки Демьян Бедный писал:

И увидел я новый
восьегоонский герб —
Солнце, светлое солнце
над зеленой равниной,
Два снопа и скрещенные —
молот и серп.
И увидел я жизнь
настоящую, новую,
Пусть пока еще в форму
готовую

Не влилась она,
Но уж новая форма видна!

Из Восьегоонска Демьян Бедный привез и долгие годы хранил в своей библиотеке ценный подарок — подшивку восьегоонских газет за 1918—1919 годы. Нет, это не оговорка, именно газет. Весной 1919 года в городе, насчитывавшем едва ли 5 тысяч жителей, выходило четыре газеты. Отпечатанные на хорошей бумаге, четким, разборчивым шрифтом, эти газеты даже в техническом исполнении являлись образцами зарождавшейся «малой» советской прессы.

Сегодня они уникальны, эти тронутые временем, пожелтевшие страницы газет, первые страницы великой летописи, эхо далекого и незабываемого времени... «Известия Восьегоонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Красный Восьегоонск» — орган уездного комитета партии, еженедельник «Женские думы», «Юный коммунист» — еженедельный листок уездного Коммунистического Союза Молодежи. Редактором «Красного Восьегоон-

ска» и «Известий...» 1918—1919 годов был Александр Иванович Тодорский. В июне 1918 года он стал членом партии. Было ему в ту пору 23 года, а за плечами — два с половиной года первой мировой войны, два ранения, шесть боевых наград. Когда началась гражданская война, А. И. Тодорский снова ушел сражаться, сначала против Деникина, потом — на Кавказ, в Туркестан. Войну А. И. Тодорский закончил помощником командующего фронтом, кавалером четырех орденов Красного Знамени — вышедшей в то время военной награды Родины. Став одним из видных военачальников Советской Армии, Александр Иванович все же не оставлял журналистику. В последние годы жизни вышел в свет несколько сборников его очерков.

Замечательна была судьба Людмилы Смирновой — редактора женской и юношеской газет Восьегоонья. Организатор и вожак комсомольцев, человек «высокого жизненного подвига», по словам А. И. Тодорского, она олицетворяла собой юность нового Восьегоонска. Людмила Смирнова добровольцем пошла на фронт и в 1919 году погибла.

С волнением листаешь страницы старых газет, ставших для нас драгоценными свидетельствами истории нашего государства.

Газета «Известия Восьегоонского Совета» от 17 ноября 1918 года. Читаем: «8 ноября в 12 часов дня на площади перед Народным Домом в присутствии всех организаций и учащихся города, явившихся со знаменами и плакатами, состоялось открытие бюста Карла Маркса, работы скульптора Ухтомского».

После открытия бюста состоялась манифестация... На манифестации присутствовали все граждане города».

Интересно, что открывал этот праздник заведующий отделом народного образования уездного исполкома А. П. Серов, отец будущего президента Академии художеств СССР, певца великой революционной темы.

Ю. ИВАНОВ

ПО КАЛЕНДАРЮ ОКТЯБРЯ

В. РАЛЬКО,
председатель колхоза «Оснежицкий»,
Пинского района, Брестской области,
дважды Герой
Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР

Д

десятилетия лет я председательствую в колхозе «Оснежицкий». Хорошо помню день, когда заведующий райземотделом приехал убеждать колхозников четырех маленьких колхозов объединиться в один. Собрались крестьяне. Слушали. Не все принимали на веру: только недавно вошли пинские земли в состав Советской Белоруссии, не изменился еще до конца образ мышления, сложившийся у людей при жизни в панской Польше. В чем-то сомневались, что-то еще понимали по-старому, к чему-то не успели привыкнуть.

В конце концов согласились объединиться. Когда же речь зашла о том, кому стать во главе нового хозяйства, несколько человек, буд-то сговорившись, высказались так. «Ты, — обратились они ко мне, — сумел нас сагитировать, сумей на деле доказать, что к правильной жизни зовешь».

Собрали мы из четырех маломощных артелей 25 коров, 50 телят, двух свиноматок. С того и начали.

Колхозный строй, законодательно закрепленный Советской Конституцией, обеспечил нам ту светлую жизнь, о которой на сельском сходе говорили крестьяне. В тридцать девятом году Западная Белоруссия воссоединилась со своим советским Отечеством. В сорок первом началась война, три страшных года длилась фашистская оккупация. В общем, только после войны крестьяне Западной Белоруссии смогли по-настоящему оценить те преимущества, которые дает народу социализм.

Оценить что-то до конца можно, лишь пережив, увидев. А они пережили. Пережили унижительное холопское бесправие на панских землях и безысходную тоску от сознания невозможности, как ни трудиться, как ни бейся, добиться того, что называется человеческой жизнью.

Советский строй такую возможность открыл. О ней прекрасно сказано в проекте но-

вой Конституции СССР: «Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный труд советских людей». Свободный творческий труд наших крестьян, труд показавшей земли, дает свои прекрасные плоды. По показателям животноводства и урожайности мы давно и прочно держим первое место в республике да и в стране с любым колхозом потягемся. Больше всего, пожалуй, меня радуют темпы, динамика — в них залог нашего экономического прогресса. Социалистические обязательства по приросту продукции животноводства, взятые на 1977 год, мы уже выполнили, а к концу года выполним и те, что были взяты на пятилетку. Теперь у нас уже 1515 дойных коров, а всего пять тысяч голов крупного рогатого скота. Вот они, доказательства правильной жизни, те самые, которых требовали когда-то крестьяне на сельском сходе.

Езжу по колхозу и думаю иной раз: посмотрели бы на все это здешние мужики, которым не удалось дожить до Советской власти. Вряд ли поверили бы в реальность нашего сегодняшнего бытия! Новые дома с городскими удобствами; бесплатно предоставленные колхозникам квартиры; бесплатное пользование детскими садами и яслями. В среднем в год из общественных фондов мы тратим на каждую семью по шестьсот рублей. Это добавок к хорошим заработкам, к доходам от личного хозяйства.

А широкие возможности «выбиться в люди»? Разве судьба Людмилы Николаевны Журбило не удивительна и в то же время не типична! Лучший наш бригадир, она вместе с другими нашими передовиками удостоена звания Героя Социалистического Труда. Колхозное поле не единственное поле ее деятельности. Она член Президиума Верховного Совета Белорусской ССР.

Около тридцати специалистов с высшим образованием работает в нашем колхозе. Едва ли в прежние времена столько специалистов обслуживали села и хутора на сто верст вокруг Пинска.

А возможности молодых селян поступать учиться в любые учебные заведения! Они принимают это как должное, не задумываются, сколько крови пролито было, чтобы завоевать такие права: и на образование, и на отдых, и на труд. Проект новой Конституции дает нам не только право трудиться, но и право выбирать себе дело по душе, чтобы удовлетворение получать и максимальную пользу приносить.

Я читаю в проекте новой Конституции: «Союз Советских Социалистических Республик — единое союзное многонациональное государство, образованное в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». И снова думаю о тех достижениях, каких добилась Белоруссия в братской семье советских народов. За послевоенные десятилетия у нас выросли новые города с большим промышленным потенциалом, наши тракторы получили признание за рубежом, значителен вклад Белоруссии в программы СЭВ, неоспоримы успехи ее культуры и науки.

Все это гарантировано содружеством Советских Социалистических Республик. Представляя Белорусскую республику в Верховном Совете Союза ССР, я особенно явственно ощущаю ту монолитность советского народа, ту его спаянность, которые делают для него посылными свершения, непосильные для общества, построенного на иных началах.

Леонид Ильич Брежнев, выступая с докладом о проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик, говорил: «...за четыре десятилетия в стране нашей, во всем нашем обществе произошли глубокие изменения». Как прекрасно сознавать, что ты не только свидетель, но и участник того процесса, который эти изменения обеспечил, сознавать, что наши труженики, участвуя в революционном преобразовании страны, сами росли, раскрывая свои творческие возможности.

Многого ли мог бы я добиться, если б жил в дореволюционной белорусской деревне, нищей и забитой? Разве стала бы моя жизнь такой счастливой, счастливой трудным счастьем человека, которому все дано, но прежде всего право и обязанность отвечать за судьбу страны, народа?

Я воевал на боевом самолете, потом в партизанском соединении, которым командовал прославленный белорусский партизанский вождь, Герой Советского Союза Василий Захарович Корж. Был разведчиком, секретарем комсомольской организации отряда, а после войны — в колхозе. Это тоже своеобразный фронт, ответственный и важный. Мой путь — путь тысяч и тысяч рядовых советских людей, созидателей общества, определяющего ныне лицо нового мира, его будущее.

На майском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Конституционной комиссии товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Очень важно, что в проекте заложены возможности постоянного совершенствования всей системы социалистического хозяйствования, всей работы плановых и других органов управления экономикой и культурой».

Ценнейшее замечание! И в этой связи я думаю прежде всего о заботах сельского хозяйства, которых у нас становится тем больше, чем выше рубежи, на которые выходим. Необходимо серьезно совершенствовать систему руководства колхозов, стимулирования их работы. В силу различных обстоятельств сложилось так, что хозяйствам-среднякам живется сейчас вольготнее, чем передовым, стремящимся шагать широко и быстро. К тем, кто не очень спешит, относятся снисходительнее, к ним скромнее требования, они легче выполняют свои планы, а выполнив, сдают по повышенным ценам сверхплановую продукцию. А принцип, я убежден, должен быть один: кто лучше работает, кто дает больше продукции, тот больше и получает.

...Интересно жить и трудиться сейчас всем нам. А впереди дела куда более значительные, масштабные, интересные. И лишь участие каждого из нас в этих делах, активное, заинтересованное обеспечит нам успешное продвижение вперед. Выше и благороднее цели я не знаю.

по старым адресам

Десять лет назад, когда к 50-летию Советской власти готовился номер «Огонька», посвященный Белорусской Советской Социалистической Республике, мы проехали Белоруссию с запада на восток по старой Варшавской дороге. Значительная часть ее захватывает Полесье. Было необычайно интересно посмотреть край, прежде слышший краем чудовищной бедности, дремучей отчужденности от просвещения, культуры и сказочно преображенный разумом, волей и трудом советских людей.

И вот мы снова отправились в Полесье. «Старым адресом» остался лишь сам край. На его карте за десять с лишним лет появилось много новых адресов, где живут люди ярких судеб, красивые своими помыслами, делами.

Если хоть пунктиром дать портрет белорусского Полесья советской поры, то понадобится рассказать о знаменитой Рудобельской республике, о высших учебных заведениях Бреста и Гомеля; о первой сельскохозяйственной коммуне двадцатых годов и молодом городе Светлогорске; о первых партизанах Великой Отечественной войны, удостоенных звания Героя Советского Союза, Тихоне Бумажкове и Федоре Павловском; о нефтепромыслах Речицы... Но обо всем не расскажем. Наш репортаж — о нескольких встречах в Полесье, и в дополнении к ним — строчки из журналистского блокнота.

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА

...Шел прием в партию. Заседало бюро райкома. Разбирали заявление зоотехника-селекционера Нины Дмитриевны Чечко, механизатора Николая Ильича Ворожуна, Федора Никитича Алисейко, тоже механизатора, и Николая Гавриловича Журомского, слесаря. Все четверо из совхоза «Коммунист». И кто-то из совхоза вспомнил слова Лукьяна Мироновича Прохорова: «Вот как правильно она, наша жизнь, пошла! Раз такие хозяйства в Полесье появились, значит, не зря мы бились за Советскую власть. А молодые коммунисты делами должны доказать, что след в след за нами идут...»

...У него была трудная и красивая судьба. В двадцать девятом — тридцатом здесь, в Ельском районе, на Гомельщине, он создавал колхозы. Один из них возглавил. Назвали колхоз «Борьба». В названии этом отражалась сама жизнь Лукьяна Прохорова, красная его линия, которую он отстаивал и до вступления в партию большевиков в 1927 году и тем более после.

В 1932-м учился Лукьян Миронович в Гомельской совпартшколе, потом снова председателем в колхозе, он тоже назывался символично: «Большевик». В сорок первом ушел в партизаны, дрался с оккупантами до изгнания их из Полесья. Боевые награды заслужил — орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали «Партизану Отечественной войны» I и II степеней. После войны работал в Ельском райкоме партии, в леспромхозе, избирался председателем поселкового Совета. Словом, все время, до самой пенсии, — на передовых рубежах.

Став пенсионером, он пришел как-то в райком партии.

— Какая-нибудь просьба есть, Лукьян Миронович?

— Есть. В Заширь, знаю, совхоз создали. Знаю, а верю с трудом: хорошо мне те места известны — партизанил там... Глухомань болотная, комары... А если где не трясина, так пески. Насколько хат убогих стояло, сказывали, что в былые времена беглые крестьяне поселились там, от них будто все и пошло. Жили тем, что осоку болотную косили, охотились. Жили... Это не совсем верно. Существовали с грехом пополам. А теперь совхоз, и название ему дали очень правильное — «Коммунист». Хочется своими глазами взглянуть, как нынешние крестьяне Полесьем распоряжаются.

С работником райкома партии Лукьян Миронович поехал в совхоз «Коммунист». В поселке вышел из машины и медленно пошел по улице. Остановившись, разговаривал с людьми, в квартиры заходил, посмотрел поля, что навсегда вытеснили дику, бесплодную топь. И все дивился: дома, как в городе, почти три тысячи гектаров под пашней, урожаи зерновых за двадцать центнеров с гектара, коров дойных больше трехсот пятидесяти... Школа-десятилетка, больница. Даже из других республик в совхоз заявления подают. Молодежь в основном... Сорок семь новорожденных за год.

И итог подвел: первый свой колхоз мы назвали «Борьба», в довоенные пятилетки был в Ельском районе колхоз «Большевик», а в девятой, значит, «Коммунист». Все правильно.

Тогда он и обронил те самые

Валя Шматкова. У себя на Пинском комбинате верхнего трикотажа она ударница коммунистического труда, а в хоре полесской песни — солистка.

Председатель колхоза «Оснежицкий» дважды Герой Социалистического Труда В. Ралько и бригадир полеводо-Герой Социалистического Труда Л. Журбило.

Индустрия белорусского Полесья — Мозырский нефтеперерабатывающий завод.

Танцоры из ансамбля «Полесье» при Пинском Доме культуры.

Трудовая вахта на селе. Пинские школьники помогают строить телятник в совхозе «Парахонский».

На пастбище.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Совхоз «Малеч». В новой квартире.

слова, какие сейчас на бюро райкома вспомнили: «Молодые коммунисты делами должны доказать, что след в след за нами идут».

ИЗ ПОЛЕССКОГО БЛОКНОТА

По пути из Гомеля в Мозырь, возле деревни Защебье, мы увидели польский флаг. Завернули. Познакомились со специалистами из Польской Народной Республики. Они строят тут насосную станцию второй очереди нефтепровода «Дружба». Кроме Защебья, специалисты фирмы «Энергополь» строят в белорусском Полесье еще две станции — в Турове и Кобрине.

* * *

В Мозырском районе присутствовали на соревновании молодых пахарей — питомцев межшкольного учебно-производственного комбината. Он действует с 1975 года, готовит аграрников по семи специальностям, в том числе механизаторов, операторов машинного доения, шоферов и слесарей по ремонту автомобилей. В этом году около двухсот сельских школьников получают свидетельства о приобретении профессии.

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

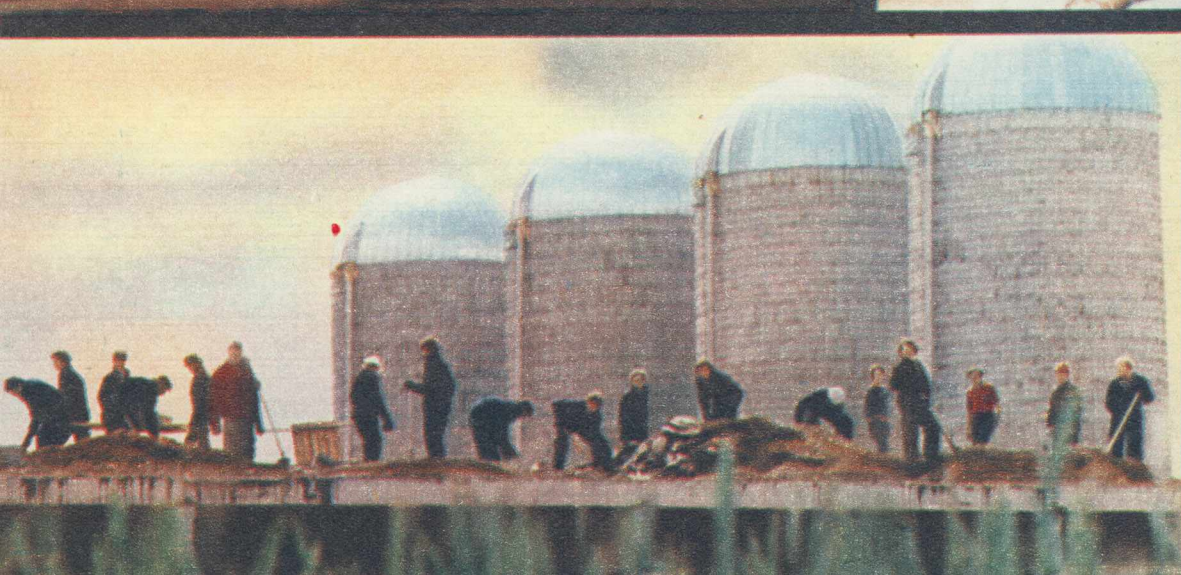
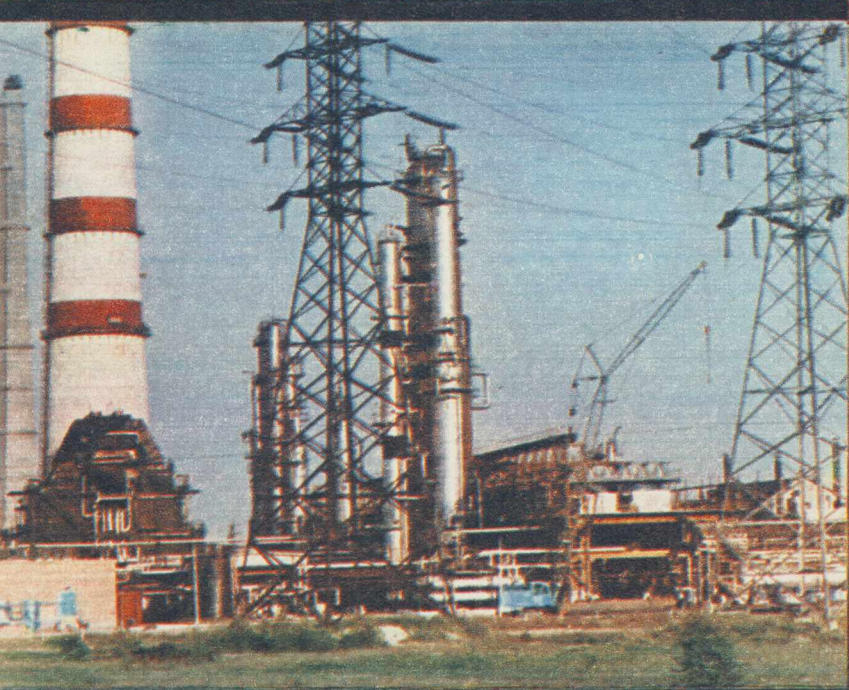
На нефтеперерабатывающем заводе в Новополоцке Валентин Владимирович Петров — старший оператор — прижился быстро. Знал дело, любил его и завоевал авторитет серьезным, вдумчивым отношением ко всему, за что брался. Когда он узнал, что в Мозыре строится нефтеперерабатывающий завод, попросился туда, хотя в принципе не любил менять место работы. Но тут причина резонная и веская.

Главная установка в Мозыре создавалась по новому проекту. Она не только значительно превосходила по производительности все до нее существовавшие, а замыслилась оригинально и сулила много иных преимуществ по сравнению с теперь уже не новыми. Первая такая в Советском Союзе. Естественно, осваивать ее должны были специалисты опытные и сильные. «Тут у нас, в Новополоцке, — объяснял свое решение ехать в Мозырь Валентин Петров, — кадры сложились, работа отлажена, а там — начало, все пока в схемах, расчетах, все неизведано». Его поняли и, как говорится, благословили.

В Мозыре Петрова определили старшим оператором установки каталитического реформирования. До пуска первой очереди он участвовал в монтаже, наладке. Кажется, по своей части все новое постиг, ко всему прикоснулся. И не просто прикоснулся — успел подумать над тем, что надо будет попробовать усовершенствовать, улучшить.

В ПОЛЕСЬЕ

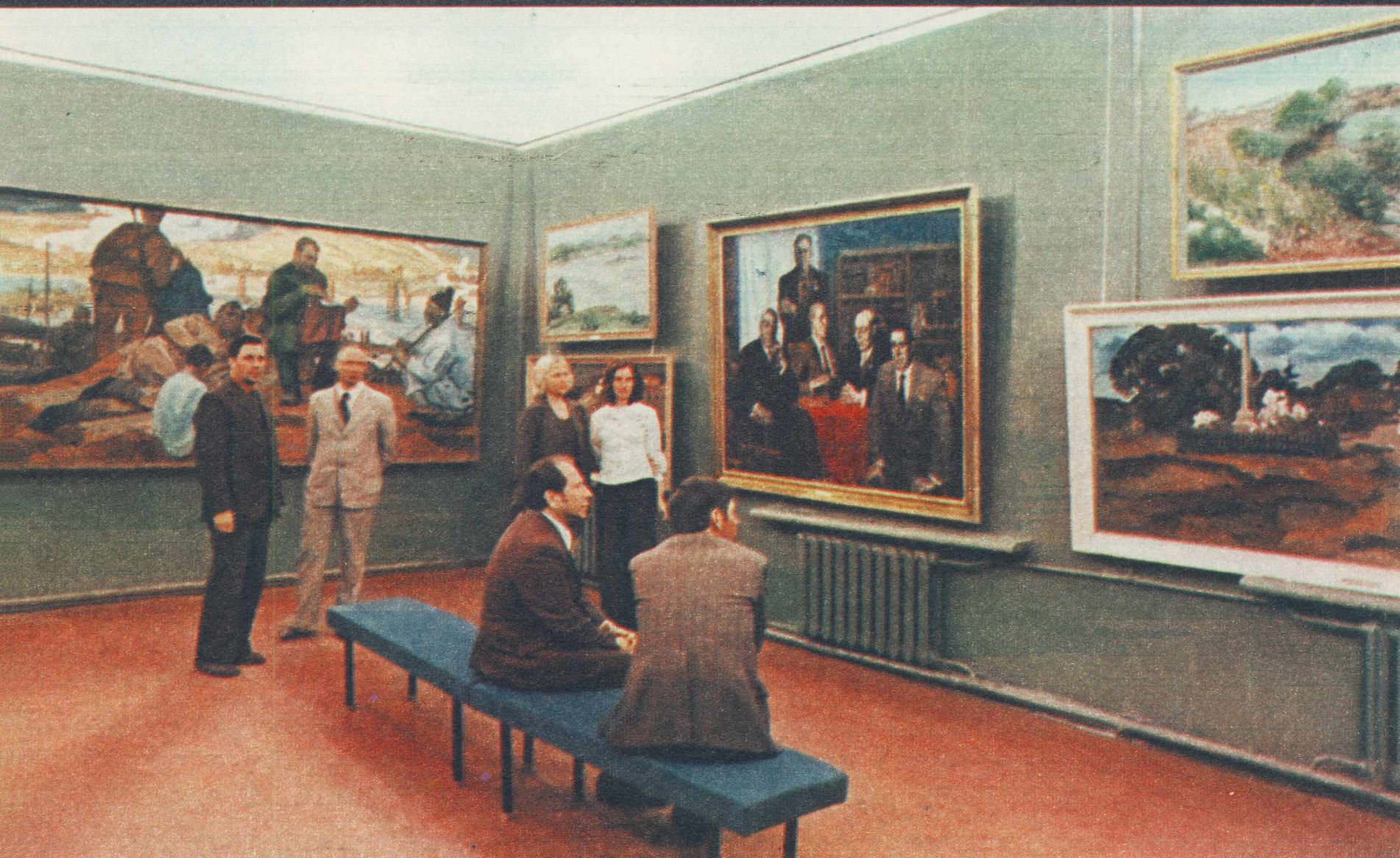

Освоение установки шло туго. Вот тут-то и подали голос скептики: «Смотрите, предупреждали вас». Заедало то одно, то другое. Из Грозного приезжали проектировщики, вместе с заводскими специалистами искали причины. Возникли споры. Проектировщики отстаивали добротность проекта и утверждали, что коллектив «не вышел на уровень» современной техники и технологии. А коллектив, собрав все силы, делал свое дело.

Петров внес несколько рационализаторских предложений и одним из первых на заводе обеспечил ритмичность своей установки. За ним потянулись другие. Заместитель главного инженера завода Иван Петрович Кирсанов, горячий, бескомпромиссный искатель, во всем поддерживал Петрова и таких, как он. О заводском коллективе скоро заговорили как о чересчур беспокойном и придирчивом. Ну чего им надо?! Установка спроектирована не случайными людьми, проект лавизирован, одобрен. Что-то не ладится, потерпите — новое же! — притрется, обкатается... А они теребят, говорят, это необходимо менять, другое переделывать.

Все ждали конференции, на которую собирались представители нефтеперерабатывающих заводов страны, проектных организаций, Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Кирсанов выступал с докладом. Перечислил все претензии к установке, обосновал поиск рационализаторов, в том числе Петрова, доказал необходимость усовершенствования меевика печи, обратил внимание на серьезные изъяны в проекте. Резюмировал: надо всегда быть творцом, а не механическим исполнителем.

Снова начались дебаты, бурные, долгие. Но в конце концов с замечаниями и поправками мозырских нефтепереработчиков-практиков (а чем они не теоретики?) согласились. На Омском комбинате, в частности, меевики печей по их предложению усовершенствовали. А здесь, в Мозыре, сооружается вторая очередь предприятия. Тот же проект, но с поправками рационализаторов.

ИЗ ПОЛЕССКОГО БЛОКНОТА

«До картинной галереи 1 км». Такой указатель я увидел здесь впервые. Он ведет в районную картинную галерею, открытую в поселке «Криничный». В галерее девять залов. В восьмью выставлены картины, которые передал Государственный музей БССР, а в девятом — выставка детского рисунка. На ней лучшие работы учащихся районного смотра. Местная школа подготовила для галереи экскурсоводов из числа учащихся старших классов.

* * *

80 миллионов тонн — таков, по подсчетам, запас сапропелей (органический ил, характерный для водоемов лесной зоны) в озере Червоное Житковичского района, Гомельской области. Сапропели идут на удобрение. Определено, что эффективность двух тонн сапропелей равна эффективности тонны навоза. Под урожай будущего года намечено добыть 160 тысяч тонн. Строится завод по производству гранул из сапропелей с белковыми добавками.

«НА БОЛОТЕ СТОЮ ТВЕРДО»

Болото дышит, грозит бездонной глубиной. Ступи — и провалишься в эту пугающую стихию.

А как же сюда на экскаваторе — огромной, грузной, неповоротливой машине? А он ведь тут первопроходец, ему по воле мелиораторов «топать и топать» по болоту своими ступнями-гусеницами, и не просто «прогуляться» туда-сюда — работать. Виктор Павлович посмотрел на сменщика, потершею: то ли беспокоил очередной налет комаров, то ли еще что...

— Вот так, Василь! Видишь, какой нам бронепоезд прислали. Тридцать пять тонн весу, а гусеницы узкие, будто гоночные лыжи. Куда с ним деваться на Полесье?! На него никто и садиться не хочет.

«Э-1011» — новая машина — действительно не подходила для здешних условий. Но коль прислали, надо приспособлять ее и приспосабливаться самому.

Прикидывали, советовались. И нашли выход. Из бревен сделали широкие, крепкие слани. Получилась своеобразная платформа. Сделали две такие. На одной — экскаватор, а другая лежит перед ним. Три-четыре метра вперед, и машина «перешагивает» на свободные слани, а освободившиеся с помощью тросов стрелой подстилает себе для следующих шагов. Болото отступает.

210 тысяч кубометров грунта вынул тогда за год экипаж экскаваторщика Виктора Павловича Шаповала и в социалистическом соревновании занял первое место в главке.

...Пятнадцать лет в Полесье, и все пятнадцать в кабине экскаватора. Весенняя ли распутица, летний ли изнуряющий зной, осенняя ли мокрая непогода, зимние ли, вьюгами мелькающие короткие дни... Пятнадцать лет за рычагами...

Верность профессии пришла, правда, не сразу. Когда-то мечтал стать шофером. После армии немало работал токарем. А по-настоящему судьбу связал все-таки с экскаватором. Первые магистральные каналы рыл в своем родном колхозе «1 Мая», Пружанского района. И тогда мысленно увидел зеленое раздолье хлебов и трав на месте топкой пустыни и совсем другую жизнь.

...Трудно поддаются болота. Если бы не учился, не изобретал против них богатырского оружия, в заряде которого все вместе — опыт, выдумка, мастерство современного рабочего, помноженные на трудолюбие, терпение, мечту о богатой и красивой земле полесского крестьянина, — разве одолел бы такую дикушу силу?! Разве справился бы с двенадцатью годовыми заданиями за пятилетку?! Разве воспитал бы последователей — таких же, как сам, грамотных мелиораторов, людей особой душевной организации?

В основном мелиораторы — здешний народ. А полешуки издавна замкнутостью, нелюдимостью отличались. Уклад жизни таких формировал. Теперь же и тут душа у человека другая, образ жизни иной. Помнит Виктор Павлович историю, в которую раньше не всякий и поверил бы.

Довольно долго работал машинист на экскаваторе с механическим приводом управления. Годы брали свое, начали ноги побаивать, а самолюбие не позволяло просить, чтоб поменяли машину, дали посовременнее. В тайне держал свои болезни. Как Саша Петручя разгадал эту тайну, неиз-

вестно. Только, уходя в отпуск, сказал он тому машинисту: «Ты пересядь пока на мой экскаватор, я с начальством договорился. Он почти новый. Твой-то, я слышал, в ремонте нуждается. Пускай чинят, а ты простаивать не будешь». Тот согласился. Вернувшись из отпуска, Петручя стал избегать встреч с машинистом. Тот встревожился, думал, зол на него парень. Пошел на откровенный разговор. А Саша ему все и сказал: «Не возьму я обратно свой экскаватор, считай, что мы поменялись: мне разрешили твой подремонтировать и на себя записать. Не сомневайся, я на нем еще погоняю». И вот он уже два года «гоняет». И дня не было, чтоб норму не перекрыл.

И Михаил Турко так поступил: машинисту постарше себя свой новый экскаватор уступил. А сам на его старенькую машину пересел...

Люди такого нравственного облика, как известно, не сразу формируются. Но тем быстрее, чем больше хороших примеров видят, чем ближе к ним такие, как Герой Социалистического Труда Виктор Павлович Шаповал, который, образно выражаясь, свой магистральный канал в жизни прокладывает: у мелиораторов так называется канал, от которого участь новой земли зависит.

ИЗ ПОЛЕССКОГО БЛОКНОТА

Вязальщица Пинского комбината верхнего трикотажа Любовь Лузко перешла работать с двух машин на четыре. Ее примеру последовали семь вязальщиц цеха.

* * *

В совхоз «Малеч», Брестской области, где построен новый, современный поселок городского типа, приехали художники из Москвы. Им предстоит оформить совхозный Дом культуры, среднюю школу, детский сад и ясли, зал бракосочетаний.

КАПИТАН КНИГА

Шкиперы спорили с ним до хрипоты, до брани. Да и не одни шкиперы. Вообще в порту не все поверили, что можно буксировать вниз по Припяти груженные суда. Очень сложная река. Капризная. Иной раз кажется, мало знать ее даже так, как знает Филипп Книга. Течение тут не быстрое — уклон русла совсем небольшой. Но косы, перекаты, повороты бесконечные и вдобавок глубина каверзная — то вдруг подымется втрое против обычного уровень воды и не падает месяцами, а то пять — десять сантиметров у судна под днищем, двигается чуть ли не посуху...

— Ты ж учи, — напоминали Книге, — какая раскатка в некоторых местах. Не удержишь — врежутся баржи одна в другую. «Полундра!» закричишь?

— Не закричу! Вот так же спрашивали, когда учились вверх караваны водить и «не власть» их на косы, не застревать в пути.

Он напомнил, как бились тогда в поисках нового приема судовождения. Старый явно не годился. Баржи на поворотах «ложились» на песчаные косы, как будто эти косы их гипнотизировали, силой притягивали к себе. Капитаны ломали головы. И вдруг двое или трое сразу, в том числе Филипп Михайлович Книга, предложили попробовать на первый взгляд парадоксальное: «Мы ру-

ли у косы все время в яр берем, а если попытаемся наоборот — в сторону косы рули, да мощность двигателей прибавить... Корму баржи, по идее, занести к яру должно». Шкиперы тогда тоже спорили до хрипоты, а он и капитан Василий Волчацкий смекнули и доказали, что новый прием надежнее прежнего.

...Существует выражение «морской волк». «Речной волк» никто не скажет. Несправедливо! Плавать по рекам, а тем более водить груженные суда — сложное и не всякому доступное искусство. Речные фарватеры коварны. Давно расшифрованные, они все равно остаются не до конца прочтанными, потому что даже самый опытный капитан может сесть на мель на каком-нибудь вдруг ставшем опасным перекате, столкнуться в тумане со встречным, не очень опытным судоводителем...

Филипп Книга учился «читать» Припять долго и старательно. В порт Пхов пришел из партизан, еще в войну. Начал матросом, из рулевого-моториста выдвинулся в первые помощники капитана, а затем в капитаны. В общей сложности на участке Чернобыль—Пинск он плавает по Припяти больше тридцати лет. Сына в речники сманил, на рудовозе РС-017 Саша плавает помощником отца. Плавают и Сашина жена на этом же судне, поваром.

Много времени прошло с тех пор, как Книга спорил, можно ли водить груженные караваны вниз по реке. Уже шкиперы в связи с модернизацией речного флота на берег списали, а о тех спорах Филиппа Книги с маловеками до сего дня рассказывают. Загрузил он тогда рудовоз и еще две баржи полные взыл. И двинулся вниз к Днепру. Весь рейс сам вахту нес. Ждал подвоха от прибрежных кустов и от крутых поворотов, даже спокойным, никогда не подводившим плесам не верил. Каким-то шестым чувством определял, какой маневр в ход пустить, чтоб судно не врезалось в судно. В Пхове начальник порта и диспетчер готовы были кричать «ура», когда капитан Книга, наконец, по радио передал: «Пришел в Чернобыль. Все в порядке».

Припять не Волга, не Амур, не Обь, не Лена, не Днепр. Нет у нее такой работы, как у них. Известности и славы поменьше. Однако свою нагрузку она несет доблестно и честно. Восемьдесят пять процентов грузов, что перевозит речной флот Белоруссии, не минуя Припяти. Транспортирует она руду и строительные материалы, уголь, кварцит, минеральные удобрения, машины... Люди делают это самоотверженно, мастерски. Среди них Филипп Михайлович Книга — коренной полесский умелец, кавалер ордена Ленина — в числе первых. И пусть не в ходу выражение «речной волк», назовем его именно так.

ИЗ ПОЛЕССКОГО БЛОКНОТА

Новое Полесье — это не только земля под посевы, это новые поселки, водохранилища, новые дороги, заповедники. 17 совхозов строится сейчас на осушенных землях в Полесской зоне; 8 тысяч гектаров — такую площадь водного зеркала получают за пятилетие рыбхозы от преобразователей белорусского Полесья, а площадь под леса здесь увеличилась за 11 лет на 50 тысяч гектаров...

Гомельская область, Брестская область Белорусской ССР.

Шерелески, пожелтевшие от неконтролируемой заводской деятельности кроны сосен, скрюченные ветрами дубы, коршуны в полинявшем небе, бетонные ограды заводских территорий, комбинатов, баз, складов, просто пустыри, обставленные километрами рядами бетонных плит, а потом все кончилось, и только зеленое тело лесов лениво возлежало под осенним солнцем, как усталая молодая женщина. Эти леса никогда не были мрачными. Пронизанные солнцем медностовые сосны, густобровые дубы, дышавшие свежестью в самую большую жару, белорукие березы, как молодые вскрики земли. Степь завладела глазами Карналя и сердцем еще от рождения. Завладеют ли им леса? Земля здесь была совсем иная. В степи — могучая, буйносылая, щедро плодила зелень, задавливая реки, надвигалась на них, как на людей, — горбатая, черная, исполинская. А тут пустая, легкая, веется мелкими песками, съезженно прячется в вечных чащах лесов, дает им силу или берет от них? Какая ты, земля, и что дашь мне и дашь ли?

— Я слышала, будто вы боитесь ездить на машине? — Анастасия была само внимание. Остро сосредоточенный взгляд, точные движения рук, невидимая работа ног с педалями только угадывалась, но это для посвященных, а так — ничего не заметно.

— После смерти жены я в самом деле словно бы возненавидел этот способ передвижения. Но теперь — все равно.

— Почему же теперь?

— Я говорил вам о пределе крепости и выносливости, а еще есть предел утрат, за которым уже все одинаково. Теперь я возненавидел вдруг землю, поглотившую моего отца. Понимаю, что это какой-то атавизм, и должен он пройти непременно, а совладать с собой не могу. В человеке постепенно откладывается все доброе и злое, накапливается, напластовывается, смешивается, как-то словно спрессовываются, уничтожаются временные промежутки, все живет в тебе так, что, прикасаясь в воспоминаниях к самому близкому, затрагиваешь порой и самое далекое, оба тогда болят одинаково...

— Я буду везти вас осторожно и тихо, Петр Андреевич...

— Довольно-таки странная поездка. Что вы думаете о выкинутом мною коленце?

— Это же я подговорила вас. Моя вина.

— Никакой вины! Я позвонил домой, предупредил также Алексея Кирилловича, что должен немедленно выехать на несколько дней.

В №№ 15—19 за этот год мы опубликовали отрывок из нового романа «Разгон», написанного известным украинским писателем Павлом Загребельным.

По просьбе читателей печатаем новые главы из романа.

Главный инженер знает тоже. Единственный, кто не знает, куда и зачем я еду, — это, кажется, Петр Андреевич Карналь.

— Там прекрасно. Мы только заедем к леснику, возьмем ключ, и уже никто вас не беспокоит...

Карналь помолчал. Анастасия тоже умолкла, словно как-то испуганно, он заметил это, но не знал, о чем вести разговор: чувствовал себя чрезвычайно скованно при этой женщине. Все произошло так неожиданно и вопреки всему укладу его жизни. Но уже произошло. Он бросал искоса взгляды на Анастасию, видел ее четкий профиль, длинную шею, ее темные глаза как бы поблескивали даже в сторону, точно на тех удивительных рисунках с изображением загадочных древних египтянок, что-то неуловимое от Айюль, и Карналь, отталкивая усилием воли от себя все эмоциональные моменты, упорно сосредоточившись только на голом рационализме, думал, что нам нравится тот или иной тип женщины потому, что в одинаковых лицах заложена та же физиономическая идея. Сам смеялся над этими наивными размышлениями. Хотя смех этот был не весьма уместным. Нельзя, не рискуя утратить в себе все человеческое, ограничиваться только сферой разума. Существует не только истина и разумное познание, но еще и сравнительное наблюдение человеческого сердца. Думал ли кто когда о его сердце, замечал ли его наивность? И можно ли согласовать неистовство в крови и поиски абсолюта? Даже в мире духа все стремится к своей противоположности. А тебе остается вынужденный отказ от удовлетворения жизненных потребностей. А между тем жизнь так ценна, что не хочется жить тем, что не является жизнью. Нескончаемость человека — в нескончаемости голода знаний, она всегда в противоречии с конечными целями жизни, которые, к сожалению, часто приходится квалифицировать как несущественные. Как только мы попытаемся воспользоваться плодами своих знаний, успокоить потребности каждого дня, мы незаметно можем скатиться к полной тривиальности, а то и никчемности. Такова судьба слишком большой серьезности, а он принадлежал именно к таким людям, и не могла его спасти никакая сороковая суббота года.

Куда он ехал? Куда убежал? От чего? Успокаивал себя тем, что в багажнике «Жигулей» лежит его толстенный портфель, набитый бумагами. Диссертация Кучмиенко, последние выпуски экспресс-информации, его заметки по Булевым функциям. Сбежать и работать. Убежать и поработать. Сделанное — останется. Хватит с него страданий и всеобщего сочувствия. В страданиях нет величия. Только в созидании.

Они заехали в такую глушь, будто от Киева целые тысячи километров. На самом же деле — час езды. Дорога уже давно кончилась, пошли две глубокие колеи в песке, маленькая машина прыгала между этими колеями, как серая жабка-ропушка. Карналь невольно хватался за сиденье.

— Застрянем?

— Не должны, — успокаивала его Анастасия. — Мне приходилось сюда ездить, обычно проскакивала.

— Вы отчаянно водите машину.

— С сегодняшнего дня действительно отчаянно. До сих пор не верю, что смогла вас выкрасть из Киева.

— Я дам вам расписку, что поехал добровольно.

— Разве кто-нибудь станет обвинять?

— Все может быть. Берите расписку, пока не передумал. Ученые люди капризны. Через минуту я сам смогу выступить вашим обвинителем.

— Я стою даже самой черной неблагодарности.

— Зачем вы так?

— Если хотите, я сказала вам неправду... Я ездила сюда только дважды. Оба раза — плакать... Впервые, когда погиб папа... Тогда убежала от матери, добиралась сюда на попутных, а потом пешком по лесу. Во второй раз действительно на этих «Жигулях», от своего же мужа. У меня был муж. Вы не знаете... Сделал меня манекенщицей. Диктатор женских мод. Чуткий на цвета, как пчела... Красивый, умный, но... безнадежно съеденный алкоголем... А потом должен был быть еще один муж... Считайте, был... Вы его знаете... Совинский...

Она повернула лицо к Карналю, будто спрашивала: остановить машину, поворачивать назад? Лес присел, пятился пугливо, стал на цыпочки, а потом вдруг надвинулся угрожающе и темно. Карналь прикоснулся к Анастасииной руке.

— Что же вы? Застрянем. Нам же еще далеко!

Он, пожалуй, умышленно переводил разговор на обычные мелочи и тем спасал Анастасию от самого тяжелого, бесформенного и неочерченного.

— Уже недалеко, — сказала она, еще не веря, что так легко можно воскреснуть, только что умерев. — Собственно, мы уже доехали до села, а там — по твердому, просекам...

— Когда садилась «Луна-шестнадцать», — сказал Карналь, — информация поступала в считанные минуты. А вот я отъехал на расстояние часа езды от Киева — и попробуй дать обо мне информацию хоть раз в сутки. В каком удивительном мире нам выпало жить!

Но Анастасия не приняла его приглашение к разговору на темы общие. Может, это было непростительное себялюбие — подкинуть свою боль ближнему, а может, надеялась все же высвободиться из плена непереносимой боли. Женщины, особенно красивые и избалованные, не прощают ничьей неприступности. Если бы Карналь стал ее успокаивать или хотя бы немного попенял за неосторожность и неразборчивость, Анастасия стало бы легче, но он вообще отказался говорить об этом, сделал вид, что не услышал, интеллигентно оттолкнул ее покаяние, отбросил, построил между нею и собой стену неприступности, и теперь надо было лезть на эту стену — и либо взять ее приступом, либо умереть.

— Вы верите в грех? — спросила она задиристо.

— А что такое грех? Как вы это понимаете?

— Ну... я не знаю... Все, что запрещено человеку.

— Человеку ничего не запрещено.

— Как это?

— Все, что воистину человеческое, не может быть запрещено. Очевидно, и тот грех, какой вы имеете в виду. Только с точки зрения богословов и диктаторов людская свобода — это возможность грешить, а истинное благочестие, мол, — не пользоваться свободой совсем из уважения и любви к тому, кто даровал эту свободу. Вот я даю вам свободу, но она опасна, как райское яблоко! Растет, смотри, а не ешь...

— Вы это на самом деле? Не для того, чтобы меня утешить?

— Разве вы малое дитя, чтоб вас утешать?

— Мне почему-то казалось, что вы такой рассудительный, холодно-рассудительный, почти...

— Почти?

— Почти догматик в обычных житейских вопросах...

— Рассудительность — одна из разновидностей трусости, так же как догматизм — это интеллектуальная форма фанатизма. Мне всегда одинаково враждебны были и то и другое.

— Мне казалось, что вы самый решительный из людей, каких я когда-либо знала. Даже это ваше бегство...

— Убегать, наверное, можно всем, кто отдал все и чувствует, что уже больше не смо-

А Н А С Т А

жет дать миру. Мы же пытаемся убежать преждевременно и заблаговременно, еще и не успев ничего дать людям, да и думаем мы не о людях, а только о себе. Спастись? А как? Отъехать от страданий и несчастий можно за час и за полчаса, а жить все равно же целые годы! Никакой лес, никакой пейзаж не спасут. Может, я надеялся и не на себя, а на вас, Анастасия...

— На меня?

— Вы скажете: два одиночества, сложенные вместе, дадут третье одиночество, еще большее. Но... Я слишком долго живу в безличном мире формул, а жизнь не может быть безличной...

— Алексей Кириллович рассказывал, как вы страдаете после смерти жены...

— Только глядя на вас, я понял, что так и не успел сказать ей одну вещь. У нее глаза были еще больше, чем у вас. От таких глаз, теперь лишь это постиг, наверное, устает лицо. Если бы я успел ей это сказать, может... Какая-то мистика или что. А что за жизнь была у Айгюль? Война, гибель отца, песчаные бури, зной пустыни, ашхабадское землетрясение, смерть матери, каторга балета... Этого просто невозможно вообразить...

— Но у вас было такое долгое счастье...

— Долгое счастье? Счастье не признает длительности. У него иные измерения: либо большое, либо никакое. День, час, мгновение — и на всю жизнь!

Он вдруг забормотал про себя, так что Анастасия не могла разобрать ни слова, только бормотание, быстрое, въедливое, как чревовещание: «Когда я состарюсь, когда доживу до старости, когда стану совсем старым, не покидай меня в старости, не покидай меня...»

Опомнился почти мгновенно, коснулся рукою лба.

— В моем возрасте...

— Зачем вы о возрасте, Петр Андреевич?

Он упрямо повторил:

— В моем возрасте, который не является тайной, хоть, может, и не соответствует моей внешности... Меня часто упрекают молодостью, на что я всегда отвечаю, что это молодость райграса на газонах, который часто стригут, не давая ему зацвести. Меня тоже жизнь стригла довольно часто и безжалостно, да и теперь стрижет... Но о моем возрасте. Эта категория объективна, и она диктует человеку поведение, мысли и настроение. Во мне как бы спорят сразу два чеховских героя. Саша из «Невесты» говорит: «Главное — вернуть жизнь...» А доктор из «Чайки» печаль-

но возражает: «...Уже поздно менять свою жизнь». Разве от этого убежишь? Но куда мы приехали?

— За ключом, — пояснила Анастасия, направляя машину в широкую, заросшую спорышем улицу какого-то странного села.

Огромные замшелые срубы многооконных хат, серые колоды ворот, на скамеечках у ворот — женщины в черном. Киевская Русь в полусотне километров от Киева?

Анастасия остановила машину возле одних циклопических ворот, быстро сбегала куда-то, вскочила в «Жигули».

— Дальше?

— Останавливаться было бы смешно, возвращаться — малодушно, — в тон ей ответил Карналь.

— Теперь недалеко!

— Вы же обещали, что до людей — целые световые годы...

— Ну, тут люди ненадоедливые. Пока не позовете, никто никогда... Умеют уважать одиночество...

Снова окунулись в царство деревьев, пронизанное полосами солнечного света. Карналь с жадностью вглядывался в мир, открывавшийся его глазам, загадочный, затаившийся, могучий, полный скрытой борьбы, стонов, криков, воплей, молчаливого состязания. Такой мир виделся разве что в детстве, когда еще маленьким нырял с раскрытыми глазами в Зеленом озере, мальчишкам страшно хотелось проникнуть в подводное царство, причаститься его тайн. Там переживал почти первобытные чувства. Мираж глубины, золотисто-красные нитки водорослей, побелевшие стебли, буйные чащи, пересечения радуг, разноцветные колебания, зависшие в невесомости зеленые рожи без корней, борохатый роголистник, молчаливая нагота, неустойчивые законы равновесия — все

С И Я

образовывало мир призрачный, обманчивый, ненастоящий и именно поэтому особенно привлекательный: в детстве устаешь от будничной реальности.

А тут было солнечное, ласковое сияние где-то над соснами и дубами, и от Анастасии тоже как бы излучалось тонкое тепло, которое несло на своих волнах ароматы молодого женского тела и первозданно-пьянящий дух леса.

Деревья росли на круглых холмах, цепко держались на склонах, спорили друг с другом за место на земле и за кусок неба сверху, а те, кому удалось укорениться наверху, стояли с какой-то изысканной небрежностью, далекие от ограничений, от толчеи, раздоров и интриг, они наслаждались волей, простором, чванливо поглядывали вниз, забывая, что суждено им первым принимать своими верхушками жесточайшие удары ветров, осенних ливней, зимних вьюг, что их будут расцеплять бури, сжигать молнии, первыми заметит их хищный глаз человека и безжалостная сталь врежется в их законченно-прекрасные тела.

Не был ли и он таким деревом с вершин, не обрушивались ли и на него тяжкие чрезмерности света, разве не поставил он себя в позицию, где отброшена вежливая множественность человеческой общности и царит грубая единичность, как в бинарном счислении, принцип которого положен в основу действий тех машин, благодаря которым он, собственно, стал собой? Возносился мыслью в сферы недостижимые, забывая, что гибкий ум неминуемо толкает к зазнайству, а еще забывая старое мудрое правило, что преувеличенное представление о своем богатстве является одной из главнейших причин бедности.

Анастасия вела машину между круглыми холмами по бездорожью, умело выбирая целинную твердь, покрытую спрессованным слоем перетлелой листвы дубов, берез и сосновой хвои.

— Впечатление такое, будто вы каждый день сюда ездите, — сказал Карналь.

— У меня водительский нюх.

— А мне кажется, что мы никогда уже не сможем выехать отсюда. Углубляемся в такие дебри, откуда уже просто не может быть возврата.

— Могу вас успокоить: мы уже приехали.

— Где же ваша избушка?

— Смотрите вверх. Ведь вы любите смотреть вверх?

— Откуда вы взяли?

— Так. Путем размышлений.

Не хотелось ни спорить, ни вообще продолжать такой разговор, тем более что Анастасия как бы угадала его настроение, высказывая, хоть и немного другими словами, то, что он думал про себя.

Машина остановилась у подножия высокого круглого холма с разрушенным песчаным склоном, будто какая-то невиданная случившаяся белая рана земли. Когда-то этот склон, как и все другие, спокойно красовался шумливыми соснами, застенчиво прятал свое белопесчаное тело под пушистым настилом хвои, по нему легко сбежали серны и прыгали желтоклювые певучие дрозды, наверное, и тот человек, что поставил на самом верху небольшую деревянную избушку, тоже выбрал этот холм из-за отлогости и покоя склона. Но древняя сосна, которая своими широко разветвленными корнями держалась за склон и сама теми корнями тоже держала сыпучий песок множество лет, наверное, устала от этой молчаливой и невидимой работы и, выбрав мутную пору лесной сумятицы, когда буря терзает деревья на вершинах и в низинах, тяжело рухнула вниз, причиняя ужасающие разрушения всему, что служило ей подножием. Вместо спокойной отлогости — крутой песчаный обрыв, торчащие черные корни тянулись к небу, мертвое тело старой сосны простиралось бесконечно, как отчаяние.

А на самом верху холма, под высокими деревьями, спрятанная у самой земли, но и вознесенная надо всем лесным пространством, в прозелени столетних мхов, обсаженная по боковой стене желтыми осенними астрами, стояла обещанная Анастасией лесная избушка, неведомо кем, когда и зачем втиснутая в такое странное место.

Они оставили машину внизу, обошли холмы, довольно легко добрались до избушки, Анастасия отперла скрипящую дверь, открыла старую, посеревшую от дождей и снегов ставню,

молча показала Карналю, который топтался со своим бестолково набитым академическим портфелем, что можно осмотреть убежище. Не хотела быть свидетелем первого знакомства, побежала к машине, несла оттуда какие-то пакеты. Карналь между тем заглянул в избушку, увидел небольшую кирпичную печь, недавно побеленную, побеленные деревянные стены, небольшой столик, сбитый из толстых горбылей, два табурета, топчан со старым матрасом, который зашелестел сухой травой, когда Карналь прикоснулся к нему.

— Для анахорета идеальные условия, — встретил Анастасию на пороге Карналь.

— Вот спальный мешок, вот продукты, свечи, спички. — Она была теперь сплошная деловитость. — Дрова есть в чуланчике, сухие, для растопки. А в лесу — так уж вволю. В чулане есть топор. Это вам и оружие от медведей, разбойников и нечистой силы.

— От нечистой силы надо дымом свечи наmaleвать крест на притоке и на матице, — рассмеялся Карналь.

— Не беспокойтесь, это уже сделано задолго до вас. Тут бывали люди, если и не суеверные, то предусмотрительные. Говорила же вам, что питаться будете суворовским рагу. Рецепт моего папы. Приготовлю, а потом вы уже сами сможете готовить.

— Благодарю. Я сам сумею. Вы только объясните.

— Очень просто. Сало, колбаса, картошка, горошек, морковь, лук, соль, перец — составные части. Если бы было что-нибудь другое, можно бы и другое. Но исходим всегда из наличных продуктов. Закладывать в горшок можно все сразу или в любой последовательности. Не забудьте залить водой. Ставьте в печь, пусть кипит, варится, доходит. Есть с хлебом или так. В зависимости от настроения. На суворовском рагу можно прожить хоть целый год.

— Вы пробовали?

— Конечно. Иначе бы вам не советовала. Для сна — спальный мешок. Тепло, удобно, гигиенично. Свечей вам на неделю хватит. Ага. Криница. Давайте покажу вам криницу. Ведро здесь есть, кружка тоже. Дверь можете запереть, можно оставлять так, пусть проветривается хатенка. Когда вечером станет холодно, натопите печь, греет идеально. А дух непередаваемый. Ну, вот и криница...

Криница была глубокая, наверное, до самого основания холма, старый сруб, спокойный блеск четырехугольника воды, они оба нагнулись над отверстием, увидели свои отражения внизу, потом туда плюхнулось ведро, легким всплеском разбило их изображения, словно они были из тонкого стекла или из неслышного дыхания света. Анастасия отклонилась от криницы, Карналь упорно заглядывал туда.

— Вы не суеверный? — спросила откуда-то, словно издали, Анастасия.

— Нет, а что?

Но она как будто и забыла уже о своем вопросе.

— Показать вам лес? Тут есть озеро, есть прекрасные холмы, на которых любят резвиться, жировать лоси.

— Вы дважды были здесь и все знаете?

— Наверное, наблюдательна.

— А кто сажал эти астры? Они почти золотые.

— Какая-то добрая душа.

— У вас тоже добрая душа, Анастасия.

— Вы не знаете, какая я злая.

— Никогда не нужно оговаривать себя.

— Но я действительно злая. Меня надо бояться!

— Человек должен бояться только самого себя — не других.

— Вы знаете: я почему-то думала, что вы страшно серьезный человек, Петр Андреевич.

— Разве я показался вам несерьезным? Хотя и правда... Эта поездка... Вы можете подумать обо мне что угодно и будете иметь все основания для этого.

— Нет, нет... Я понимаю ваше состояние...

Разве тут до моральных категорий, до того, что и кто там о тебе скажет?.. Я о другом. Почему-то когда впервые увидела вас, то сложилось впечатление: этот человек может думать и говорить только серьезное... И... ну, не знаю, приподнятое, что ли...

— Я несерьезный?

— Спрашиваете меня о цветах.

— Цветы — это очень серьезная вещь, если хотите. — Карналь засмеялся. — Вам удобно в

этих, я бы сказал, слишком городских туфлях?

— Не обращайтесь на меня. Я одеваюсь и обуваюсь так, чтобы не чувствовать этого на себе. Это у меня тоже от папы. Он научил. Так одевают солдат.

— Был солдатом. Знаю. Но в вас ничего солдатского. Вы не из таких женщин.

— Взгляните лучше на озеро. Пока еще солнце, озеро просто очаровательно.

Озеро было круглое, темное, спокойное. Лежало между соснами и песками неестественно красивое и одинокое. Анастасия сложила ладони «домиком», крикнула озеру:

— А-о-о!

Ее чистый голос отразился от лоснящейся поверхности воды, вознесся вверх, полетел меж деревьев, над холмами, наполнил простор. Карналь почувствовал себя лишним в этом лесу рядом с этой молодой женщиной, был чужой ей, она — чужая ему, дерзко не управляемая в своих душевных измерениях, независимая и свободная.

Они пошли в обход озера, держались друг от друга на расстоянии, необусловленном и непредопределенном, то сходясь чуть ли не вплотную, то пугливо расходясь, шли молча, избегая встречаться взглядами, а когда Карналь случайно заглянул Анастасии в глаза, то невольно отметил, что глаза у нее как бы покорные, без той дерзости, которую он почему-то готов был им придать.

По ту сторону озера среди сосен стоял старый-престарый дуб, черное плетение могучих ветвей пряталось в густой, несмотря на осень, зелени листьев, и внизу под деревом было темновато. Они очутились под тем дубом как-то неожиданно, оба одновременно испугались темноты, царившей под старыми ветвями. Анастасия заблудилась взглядом в ветвях, Карналь тоже отправился туда, не зная, что он там ищет, и оба почти одновременно увидели высоко, где-то около верхушки, большое гнездо, сложенное из толстых прутьев, корявое, нескладное, но крепкое, наверное, такое, что его оттуда не стряхнуть никаким ветром.

— Чье оно могло быть? — подумал вслух Карналь. — Неужели орлиное?

— А почему бы не быть здесь орлам?

— Я слишком неопытен... но такое большое гнездо...

— Хотите, я полезу и посмотрю?

— Высоко же. Да и что вы там увидите? Гнездо брошенное, может, много лет назад...

Но она уже не слышала. Легко сбросила туфли, подпрыгнула, ухватила за самую нижнюю ветку, блеснула перед Карналем белыми стройными ногами, по-мальчишески ловко и быстро полезла выше и выше, и у Карналя вдруг тоже возникло нелепое желание карабкаться вслед за Анастасией в это украшенное резными дубовыми листьями поднебесье.

— Ничегошеньки! — крикнула от гнезда Анастасия. — Никаких следов.

— Спускайтесь! — крикнул Карналь. — Я же говорил...

Вниз она слезала медленнее, осторожнее, мягко светила ему сверху улыбкой, не то умышленно, не то впрямь обессилев, несколько раз не попадала ногой на сук и угрожающе повисала, еле держась, а сердце Карналя падало всякий раз в пропасть, от ужаса он зажимался.

Уже очутившись над головой Карналя, Анастасия обнаружила, что нижние сучья все же слишком высоко от земли, она никак не могла решиться спрыгнуть, примерялась, колебалась, прицеливалась, потом, крикнув «Держите!», упала прямо в его раскнутые руки, он отчаянно обхватил ее, его ослепило ее смеющееся лицо, обожгло прикосновение. Все в нем содрогалось, и какой-то смех бился в груди, но он превозмог себя, — он должен был держаться любой ценой, хотя был всегда и до конца человеком, имел горячую кровь и пылкое воображение, — бережно поддерживал Анастасию и поставил ее на землю, точнее говоря, оттолкнул от себя, а потом подал туфли.

— Говорил же вам: не надо было так высоко... Видно и так, что брошенное...

Она обулась так же легко, как и разувалась, тряхнула волосами.

— Солнце скоро зайдет, а мне надо выбраться отсюда засветло...

— Удивляюсь до сих пор, как вы вообще могли сюда проехать...

Но она не хотела о том, как ехать и проехать.

— Вы знаете, что такое рай? — спросила неожиданно.

— Рай? Никогда над этим не задумывался.

— Рай — это вода и деревья. Вот как здесь. Представляете, как здесь летом? Исккупаться бы в этом озере! Вы знаете, почему люди любят купаться?

— Ну...

— Вы и над этим не задумывались, правда же? Потому что голые — счастливые! Они снимают с себя все и остаются самими собой... Хотите, я покажу вам лосиные холмы?

— Но ведь вам...

— Будет поздно? Хотите, я буду вас поддерживать?

— А может, я вас?

— Разве не все равно?

Он пошел к озеру, дальше и дальше в странном всхолмленном лес, легкая сила несла их выше и выше, над ними было небо, вокруг никого и ничего, кроме молчаливых деревьев. Они не слышали даже птиц, только шелест сухих листьев под ногами, биение собственных сердец, и тишина, тишина. Анастасия держала Карналя за руку, он держал Анастасию. Кто кого вел, завел, свел? И снова молчали, словно нечего было сказать друг другу, а потом, когда оказались на одном из круглых холмов под стройными молодыми дубами и ударило им в лицо багрянностью предзакатного солнца, Карналь, словно впервые заметив, что держит руку Анастасии, несмело спросил:

— Вы позволите поцеловать вашу руку, Анастасия?

Вопрос был таким неуместным здесь, в этом царстве одиночества и красоты, что следовало бы засмеяться им обоим, но Анастасия невеста почему испугалась, выдернула руку, отбежала от Карналя, закричала почти отчаянно:

— Нет, нет, прошу вас, Петр Андреевич! Я недостойна этого, недостойна... Не надо! Нет, нет...

Побежала вниз, потом, как бы опомнившись, остановилась, убедилась, что Карналь идет за ней, не захотела бросить его здесь одного, должна была вывести из этих холмов, и лишь когда снова миновали озеро и очутились у подножия разрушенного старой сосной холма, Анастасия с таким же пугливым упрямством, как и там, где Карналь допустил неосторожность, подбежала к Петру Андреевичу, обдала его своим тонким теплом, оставила ему на щеке обжигающее прикосновение губ и бросилась бегом к машине.

— Анастасия! — попытался было погнаться за нею Карналь —...Мы же ни о чем еще...

— Я приеду в то воскресенье! До свидания, Петр Андреевич... Простите!

И маленькая машина затерялась меж деревьев, покатила дальше и дальше, а с нею покатилося и сердце Карналя. Или не покатилося? Не мог и не хотел себе этого сказать. Пробовал гнаться мыслью за Анастасией, отесняя от себя все запреты и опасения. Нежданно-негаданно становилась для него дьяволом, соблазном, обещала избавление, спасение от угнетенности духа, от страдания, которое угрожало разрастись до размеров нежелательных, она почему-то представлялась ему как бы синонимом вечности и бессмертия, но была ведь просто женщиной, помимо всего этого, а он? Не смешная ли он фигура рядом с Анастасией? И не нелепость ли это его странствие в молодость? Расцвет души? И в такое время, когда душа твоя израненная, изболелая, почти разрушенная. Разве не противоречит это законам природы, человеческой морали и просто здравому смыслу? Но здравый смысл — это косность и ограниченность, против которых ты всю жизнь боролся, а природа ведь так своенравна! Счастье — в чувствах, бесчувственного счастья не существует. Влюбляются даже министры, президенты, диктаторы. А как быть с академиками? Хотя они в большинстве своем стары, но ведь каждому дурно известно, что «любви все возрасты покорны». Это дурно. А если ты математик? И все привык считать, сопоставлять? Числа, наверное, возникли так же неприслужливо, но и закономерно, как и слово «свобода», поэтому пользоваться и тем и другим надо осторожно и ответственно. Пятьдесят и двадцать пять или тридцать — как сопоставить?

Авторизованный перевод с украинского
Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Продолжение следует.

БОЕВЫЕ МЕМУАРЫ

Эльбрус — символ Кавказа. Сегодня это место для туризма, спорта и отдыха. Но недавно мне довелось видеть в Красногорском архиве кадры немецкой хроники, где на фоне Эльбруса дефилируют отряды фашистских горных егерей дивизии «Эдельвейс». Поэтому не следует забывать, что там, где мы катаемся на лыжах и отдыхаем, сражались и погибли тысячи советских солдат, вставших на пути гитлеровцев.

О жарких и кровавых схватках в тех краях написана небольшая, но правдивая книга. Она называется «Рожденная в боях» и рассказывает о 56-й армии, защищавшей Юг и Кавказ. Эту книгу можно было бы назвать комментированными мемуарами, ибо составлена она из воспоминаний более 150 воинов: солдат, офицеров, генералов.

Надо ли объяснять, что есть и чем был Юг для существования страны — промышленности, ископаемые и нефть, то есть горючее для автомашин, танков, самолетов. Надо ли объяснять, какие понесли физические и душевные силы бойцов, чтобы выстоять и срезать сумасшедший натиск рвавшихся на Кавказ фашистских банди-

тов? И, читая эту книгу, начинаешь понимать истинный смысл понятия «массовый героизм», потому что здесь сведены и описаны реальные действия реальных людей, живых теперь или мертвых. Все они воевали в 56-й Отдельной армии, которая начала свою битву под Ростовом-на-Дону первой осенью войны, а вели ее генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов и корпусной комиссар Н. А. Мельников.

В подготовке первого удара советских войск под Ростовом-на-Дону активно участвовал заместитель начальника Политуправления Южного фронта бригадный комиссар Л. И. Брежнев. Боевые соратники вспоминают, с какой энергией, мужеством и талантом «Л. И. Брежнев организовывал и вдохновлял воинов на героические ратные дела в период оборонительных боев в предгорьях Северного Кавказа, на подступах к Туапсе, где потерпели крах коварные замыслы гитлеровского командования».

Мы узнаем из рассказов солдат о первых страшных боях на реке Миусе, об испытаниях в период обороны, и о первом контрнаступлении, и о том, как с 43-го гнали немца, освобождая Кубань и Таманский полуостров.

«9 октября 1943 года советские войска окончательно изгнали гитлеровцев с Тамани, и мне, командовавшему в ту пору 56-й армией, посчастливилось сообщить в штаб фронта о том, что Кавказ свободен», — писал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Что стоит за этими словами? А за ними жаркие дни 41-го года, когда санитару 177-го полка Людмила Родионова, презирая опасность, выносила с поля боя раненых и стреляла в упор в фашистов, и подвиг ротного командира Сухова, и дела саперов 347-й дивизии на обгорелом мосту через Дон, и героические воздушные разведки Покрышкина, и рукопашные остревенные схватки у хутора Горно-Веселого, и истекший кровью, смертельно раненный снайпер Приймак, продолжающий бить из своей винтовки, целясь по вспыхивающему минометному огню, и прорыв легендарной «Голубой линии», и героизм тысяч советских бойцов, преградивших путь фашизму.

О битве за Кавказ написано много книг. Вот появилась и еще одна. Эта книга о жизни и смерти, о правде, о народном подвиге.

А. БАСМАНОВ

СБЕРЕЧЬ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЙ

Книга Сергея Семанова «Сердце Родины» составлена из статей и очерков, уже увидевших свет на страницах периодических изданий. И первое, что необходимо отметить, говоря об этой книге, — ее несомненную цельность, полное и органичное внутреннее единство. Автор обращается к актуальным проблемам развития советской культуры, к далеко не простым вопросам формирования морального облика советского человека наших дней. Размышляя о неповторимости эпох, С. Семанов выявляет в первую очередь непреходящие ценности, нетленные заветы, которые передаются из поколения в поколение. Первый очерк сборника, давший ему название, посвящен столице нашего государства, отображению образа города-героя Москвы в советской исторической литературе. С самыми высокими идейными и эстетическими критериями автор анализирует обширный поток литературы о Москве, выделяя из него те произведения, в которых столица предстает величественным памятником отечественной истории. «Тема Москвы как сердца Родины неизбежно и органично возникает всегда,

когда речь заходит о государственных судьбах России — неважно, идет ли речь о давней или не очень давней истории», — отмечает С. Семанов. — Здесь от всякого автора требуется, так сказать, абсолютный исторический слух».

Несомненными достижениями среди работ на эту тему считает критик и книгу Е. Осетрова «Твой Кремль», в которой автору удалось найти верный тон в подаче сложного исторического материала, и работу А. Сахарова и С. Троицкого «Живые голоса истории», зорко увидевших в облике столицы средоточие прошлого и настоящего, и книгу о А. С. Пушкине В. Н. Иванова, сумевшего убедительно показать значение Москвы в жизни гениального русского поэта. Критический анализ произведений в очерке Семанова прекрасно сочетается с яркой гражданской публицистикой самого автора.

С. Семанов пишет о взаимосвязях личности и истории, о социальной активности человека, о корнях гражданской индифферентности, о трагедии людей, волею исторических судеб оказавшихся вдали от родины, о трагедии личности, оторвавшейся от своего народа. Пишет он страстно, взволнованно. И эта взволнованность рождена не одной лишь потребностью решить теоретически важные и практически злободневные вопросы жизни. Она определена прежде всего общественной позицией, нравственной убежденностью, партийной ответственностью. Именно этим и объясняется готовность автора вступать в бой, вести нелицеприятную полемику.

Полемическая заостренность особенно ясно выражена в разделе книги, который называется «Почительность примера». Этот раздел посвящен интересным размышлениям об одном из самых популярных у читателя жанров — литературной биографии.

Рецензию о нужной для массового читателя книге хотелось бы закончить словами автора: «Истинные ценности не умирают. Одно поколение сменяется другим и передает, как заповедное наследство, все лучшее, все самое ценное тем, кто приходит на смену. Так и мы должны береечь все самое ценное, что сегодня создает наш великий советский народ, строитель самого справедливого общества на земле».

Сберечь — для поколений, идущих за нами».

Владимир МАКАРОВ

С. Семанов. Сердце Родины (литературно-критические статьи и очерки). М., «Московский рабочий», 1977, 200 стр.

Салон летающей лаборатории.

УРАВНЕНИЕ ПОГОДЫ

С. ВЛАСОВ,
фото Г. КОПОСОВА

Результаты эксперимента помогли кораблям Мурманского морского пароходства доставить грузы для нефтяников, работающих на полуострове Ямал.

Старший инженер бортаэролог Евгений Лаврентьев.

В последнее время на нашей планете с климатом происходит что-то неладное. Жесточайшая засуха в Сахельской зоне Африки (южнее Сахары) унесла тысячи жизней. Огромные территории от Ближнего Востока до Северного Китая также высыхали от недостатка влаги, а в это время некоторые районы Северной Америки были затоплены вследствие сильнейших наводнений, каких не знали многие поколения.

«Оранжевый» период мягкого климата на планете кончился. Так считают некоторые зарубежные ученые. Одни из них утверждают, что Земля вступает в очередную длительную эру холода. Другие предсказывают резкое потепление...

Уравнение погоды когда-нибудь будет создано. По нему станут составлять долговременные прогнозы, определять последствия человеческого воздействия на природу, указав безопасные его границы.

Но это — дело будущего. А пока эксперименты по изучению глобальных атмосферных процессов только начинаются.

Пассажирские самолеты в заполярном аэропорту Амдерма не взлетали трое суток. Погода была явно нелетной. Пурга, сильный ветер, низкая облачность. Но самолет ИЛ-18 № 75716, летающая лаборатория Центральной аэрологической обсерватории, ушел в свой обычный полет. Ученые-метеорологи, занявшие места у приборов, такой погоде были рады.

Летающей лабораторией самолет этот называют неспроста. Он весь заполнен аппаратурой, предназначенной для проведения научных наблюдений в атмосфере. Салон почти ничем не отличается от земной лаборатории.

Самолет кружит над Баренцевым морем. Но ни льда, ни воды не видно — сплошное молоко облаков. Тысяча метров — поворот и снижение. Корабль словно спускается по гигантской лестнице. Высота — пятьсот метров. Триста. Сто пятьдесят. Сто. Облака все не кончаются.

— Ниже не можем. Опасно, — говорит командир корабля Александр Арсентьевич Лебедев. — И оледенение сильное.

— Ну еще немного, нам бы до нижней границы облака дотянуть, — просит научный руководитель работ Нина Александровна Зайцева. Позже, сидя в московской квартире, уставленной экзотическими сувенирами (во многих странах мира побывала эта смелая женщина, трижды пересекала экватор, дважды была в Антарктиде), Нина Александровна расскажет:

— Наш самолет ИЛ-18 совместно с таким же самолетом Главной геофизической обсерватории участвовал в большом комплексном эксперименте ПОЛЭКС-Север-76. Научным руководителем авиационной группы наших самолетов был доктор физико-математических наук, бывалый полярник Василий Иванович Шляхов. Главной целью Полярного эксперимента, организованного учеными Арктического и Антарктического научно-исследовательского института под руководством известного полярного исследователя члена-корреспондента АН СССР А. Ф. Трешникова, является количественная оценка тех факторов, от которых во многом зависит состояние атмосферы, то есть погода над планетой.

Очень большую роль в преобразовании различных видов энергии в атмосфере играют облака, они определяют поступление на землю солнечного тепла. Почти 90 процентов этого тепла атмосфера планеты получает не прямо от солнца, а в виде теплового излучения от поверхности океана и суши. В подавляющей степени — от океана, ведь 71 процент поверхности нашей планеты занимает вода. Вот почему в последних экспериментах по изучению погоды ученые всего мира исследуют взаимодействие океана и атмосферы.

Вообще об океане, который справедливо называют кухней мировой погоды, мы знаем очень мало. Чуть ли не каждый эксперимент по его изучению оборачивается сенсацией. Так, недавние исследования Атлантики советскими учеными позволили обнаружить громадные вихревые перемещения океанской воды. Это совершенно меняет фундаментальные представления об океане. Оказывается, что основная его энергия заключена не в постоянных течениях, как это представлялось до сих пор, а в гигантских зави-

хрениях, подобных атмосферным циклонам. Или вот другое принципиально важное открытие, которое явилось для ученых полной неожиданностью. Океанская толща, как оказалось, расслоена на тонкие, от десяти до одного метра, слои с разной температурой и соленостью и различным направлением движения.

Процессы, происходящие в океане и в особенности над его поверхностью, сильно влияют на погоду. Поэтому метеорологи со своими вопросами обращаются чаще всего к нему — к океану.

Результаты Полярного эксперимента пока еще обрабатываются, а кандидат географических наук Н. А. Зайцева вместе с другими советскими и зарубежными учеными участвует в следующем эксперименте — «Муссон-77». Он недавно начался в Индийском океане. Цель все та же — поиск надежных методов долгосрочного прогнозирования погоды.

Говорит заведующий лабораторией специального зондирования Центральной аэрологической обсерватории Василий Иванович Шляхов:

— Такие натурные эксперименты, как Полярный, «Муссон-77» или Тропический, проводившийся в 1974 году, являются составными частями грандиозной международной Программы исследования глобальных атмосферных процессов (ПИГАП). В ней примут участие практически все страны мира. Ученые давно поняли, что изучение погоды не может быть делом одной какой-то страны. Ведь чтобы предсказать на завтра погоду, например, в Москве, нужно собрать сведения со станций, разбросанных от Англии до Урала, от Кавказа до Шпицбергена. И это лишь для однодневного прогноза. А для трехсуточного надо уже изучать атмосферу всего северного полушария.

Основные эксперименты ПИГАП планируются на 1978—1980 годы. К тому времени Всемирная метеорологическая сеть будет развита настолько, что позволит получить полную информацию со всей планеты. В океане будут действовать целая система автоматических буев, десятки и сотни научных судов. И, конечно же, огромную роль сыграет информация, поступающая с самолетов и спутников.

Всю эту лавину разнообразных фактов нужно очень быстро обработать и сделать доступной для ученых. Для этого у нас в стране и за рубежом создаются Мировые Центры Данных.

Образование таких центров, оснащенных мощными электронно-вычислительными машинами, говорит о том, что в изучении погоды наступает новая эра. Погоду не только обобщают, ее теперь начинают вычислять. Все происходящее в атмосфере можно выразить определенным математическим уравнением, а решив его, получить точный прогноз погоды. Но это теоретически. На практике же «уравнение погоды» — длинная цепь формул, требующая колоссальных вычислений. Быстро проделать их под силу только мощным ЭВМ.

И все же пока не удается избежать ошибок в долгосрочных прогнозах. Во многом это зависит от недостатка исходной информации. Восполнить этот недостаток и призваны глобальные эксперименты по изучению атмосферы и океана.

Не грусти

Музыка А. ШАМАРДИНА Слова А. КЕШОКОВА

Детских лет моих подружка,
Где тропы висит клинок,
Мчит Шалушка, мчит Шалушка,
Колыбельная речушка,
Путь которой недалек.

Счет годам ведут кукушки,
И, достав рукой до дна,
Пью с ладони, как из кружки.
Русло маленькой Шалушки
Шире, чем сама она.

Над тобой, моя Шалушка,
Выше зелени чинар,
Неба дымчатая опушка,
И горы бела макушка,
И раздолье для отар.

Не грусти, моя Шалушка,
Было мне дано судьбой
За тебя дойти, подружка,
До просторов, где, как пушка,
В бурю бьет морской прибой.

Б. Щербаков. ПОЛДЕНЬ ПОД ТАГАНРОГОМ. 1976.

Б. Щербаков. ЗАКАТ НА МИУССКОМ ЛИМАНЕ. 1976.

НОВАЯ ВСТРЕЧА С БДТ

гастроли

Г. ДАНИЛОВА

Гастроли Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького в Москве вызвали широкий зрительский интерес. Это понятно: БДТ — один из лучших театров страны, возглавляемый таким крупным режиссером, как Г. Товстоногов, — обладает великолепной труппой. Лучшие спектакли здесь — всегда сплав глубокой философской мысли, оригинальной трактовки, емких, обобщенных характеров и точной по выразительности, соответствующей режиссерскому замыслу сценографии.

Взять хотя бы гастрольный спектакль «Ханума» А. Цагарели. К этой классической грузинской комедии, колоритно обрисовавшей национальные нравы, быт старого Тифлиса, Г. Товстоногов подобрал своеобразный поэтический ключ. Составными частями художественной ткани спектакля становятся живописные панно И. Сумбаташвили — в духе и по мотивам немногих грустных картин Н. Пирсманни; наивно-просветленные в чтении самого режиссера стихи поэта XIX века Г. Орбелиани; пропитанная интонациями грузинских мелодий музыка Г. Канчели; пластически танцевальные, замедленные интермедии кинто; острая ритмика, яркий темперамент сценического воплощения гротесково заостренных, лирико-комедийных или буффонно-комедийных персонажей...

Народная природа «Ханумы» раскрывается и в самом процессе театральной игры, изобретательного лицедейства, в том щегольстве мастерством, какие почерпнуты актерами словно бы непосредственно из народных игрищ, площадных представлений... Чего стоят хотя бы каскады уморительно смешных трюков, фортелей, которые неожиданно «откалывает» князь Пантиашвили — В. Стрельчик. Или сцена сватовства князя, где невесту, хроющую и придурковатую, изображает сваха Ханума — Л. Макарова, ставшая подлинной героиней спектакля.

Народная позиция, народная точка зрения важны и в «Дачниках» — спектакле, продолжившем направление горьковской драматургии в творчестве БДТ и образовавшем вместе с ранее поставленными «Варварами» и «Мещанами» сценическую трилогию. Все эти спектакли осуществлены Г. Товстоноговым. Именно народная точка зрения определяет отношение к героям пьесы самого режиссера и актеров; она откры-

то выражается на сцене двумя героями, это — дачные сторожа, чья линия отчетливо проведена через весь спектакль.

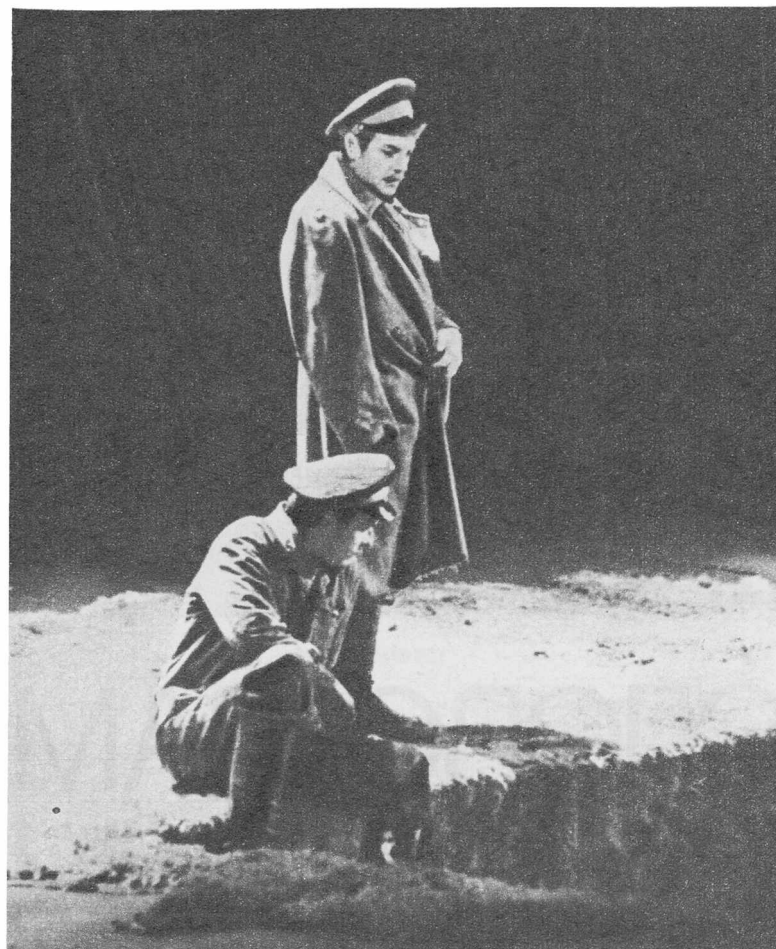
Перед нами — галерея образов, вылепленных добротой, с глубоким проникновением в психологию и индивидуальное своеобразие, социальную суть характеров. Режиссер тут как бы отходит на второй план — по классическому выражению, «умирает» в актерах; он не навязывает своего мнения, но его ирония, насмешливое отношение к «дачникам» — ничем иным самовлюбленным людшкам — очевидны. Как и горечь за бесцельно прожитую, несостоявшуюся, впустую растраченную человеческую жизнь.

Каждый новый спектакль театра погружал зрителей в иной, плотный жизненный пласт, сталкивал с явлениями типичными и своеобразными одновременно, побуждал к глубокому раздумью о жизни человеческой. Будь то очень своеобразная по принципу сценического воплощения товстоноговская постановка «Истории лошади» (по Л. Толстому), пронизанная призывом к гуманности и состраданию, с поистине удивительно исполняющим свою роль Е. Лебедевым, или постановки произведений современных советских авторов: «Протокол одного заседания» А. Гельмана, «Три мешка сорной пшеницы» В. Тендрякова, «Энергичные люди» В. Шукшина...

Наконец, гастрольное выступление БДТ в Москве — и это стало центральным событием гастролей — было отмечено премьерой «Тихого Дона» М. Шолохова.

Спектакль, посвященный 60-летию Великого Октября, ставит своей целью проследить судьбу человека прежде всего в его главной связи с судьбой народа, с грандиозными социальными переменами, затронувшими каждую человеческую жизнь (сценическая композиция Г. Товстоногова и Д. Шварц).

Все личное в истории Григория Мелехова вводится в действие наплывами эпизодов-воспоминаний, тех, которые сохранила память и сберегла душа... В эти моменты художественная ткань спектакля, сочетающая устное повествование и действие, многократно усложняется. Усиливается многоголосие — в одном кратком мгновении как бы спрессовываются целые человеческие судьбы. Фронтальной эпизод вдруг перебивается сценой встречи Григория с Аксиньей (С. Крючкова). Или возникает сцена в поле, когда горячий, вспыльчивый Григорий чуть не покатил Петра (К. Лавров), метнув в него вилами; к моменту появления испуганного отца оба поостыли, и кнут старого Пантелея (Н. Трофимов) лишь смешит

Сцена из спектакля «Тихий Дон». Григорий — О. Борисов, Петр — К. Лавров.

Фото И. Галанюка

братьев... Вступает в действие тема Натальи, с глубоким драматизмом переданная Л. Малеванной... Но вновь и вновь события возвращаются к фронтовой жизни Григория — страстным поиском своего места в окровавленном, ломающемся мире, полном противоречий жестокой классовой борьбы...

Эти поиски — тут главное. В них — действенная основа спектакля. Мучительно ищет Григорий: где же правда? Чья она?... Герой О. Борисова лишен гордой стати, своеобразия, диалектической красоты Григория Мелехова, и порой это жаль... Но на это стараешься не обращать внимания. Увлекает, захватывает та острая внутренняя борьба, те жестокие метания, которые владеют героем О. Борисова. Казнь подтелковцев... Бегство с хутора... Расстрел Кошевым (Ю. Демич) Петра... Рукопашный бой на Дону, кончающийся для Григория страшным потрясением — ногой рубил... Смерть Котлярова (В. Медведев), которого Григорий хотел спасти... Где правда? Чья?..

Спектакль все более углубляет в анализ духовного мира героя. Все более трагичным становится повествование.

Этот суровый и правдивый сценический рассказ широкого эпического дыхания ведется режиссером и актерами в единстве и взаимопонимании с композитором С. Слонимским и художником Э. Кочергиным, который затянул сцену от пола до верха — от подножия до неба — тканью, темной, как земля, — это за нее идет смертельная битва, — а глубь сцены очертил серповидной, то серебрищейся, то багровой от крови полосой Дона... Поистине поразителен тот момент, когда, потеряв Аксинью, Григорий видит черное солнце на черном небе...

Последняя точка трагедии — логичный финал человека, не понявшего истинно народных стремлений, не сумевшего найти свое место в борьбе за действительно народные интересы.

История, революция, народ — вот главное, чему отдано предпочтение в этом сценическом воплощении «Тихого Дона». Тема благородная, не раз поднимавшая советский театр на создание значительных произведений искусства.

В. В. Николаева-Терешкова среди участниц встречи.

Н. КРЫЛОВА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

СЛОВО ВАМ, ЖЕНЩИНЫ

В Москве завершила работу международная встреча «Женщина и социализм», посвященная 60-летию Великого Октября. В ней приняли участие 136 представительниц из пятидесяти стран мира. Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. С докладом на встрече выступила глава советской делегации председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова, которой за большой вклад в международное демократическое движение была вручена медаль МДФЖ имени Эжени Коттон — первого президента этой организации. По проблемам, волнующим сегодня женщин мира, высказались 74 оратора.

На вопросы отвечает Фанни Эдельман, генеральный секретарь МДФЖ.

Роберта Вуд (США) представляет организацию «Женщины за расовое и экономическое равенство».

В цехе кондитерской фабрики «Красный Октябрь» гости из Африки.

...Мария-Лизия Рафаэл, член ЦК ФРЕЛИМО, приехала из Мозамбика. Она родилась в маленькой деревне Меле на берегу океана, в бедной крестьянской семье. У родителей было восемь детей. Выросли только трое, остальные умерли от голода и болезней. Училась в церковной школе и вместе с другими учениками гнула спину на священника.

— Что изменилось после освобождения?

— Вся жизнь. Народная власть открывает школы для ребят и для взрослых, — говорит Мария-Лизия. — Партия еще во время борьбы за освобождение готовила кадры учителей. Главное, теперь все богатства страны принадлежат народу. Крестьяне получили землю. Государство помогает им. В провинции Иньямбане, где я возглавляю женскую организацию, уже в восьми деревнях организуются коммуны.

Начали мы создавать и детские сады. Конечно, они не похожи на тот московский, где я побывала. Для меня это была не экскурсия. Я говорила себе: «Смотри, Мария-Лизия, вот каким должен быть детский садик!» Когда вернусь домой, расскажу о нем нашим женщинам, чтобы они поверили: и у нас так будет! Ведь Советская страна тоже пережила бедность и разруху. Вы добились многого, добьемся и мы. Вам было труднее. Советская Россия была одна, а у нас много друзей в социалистических странах. Социализм — это не только наше будущее, это будущее планеты.

Роберта Вуд приехала в Москву из Чикаго. Она сотрудница организации «Женщины за расовое и экономическое равенство». С Робертой мы встретились после ее поездки в пионерлагерь.

— Я увидела своими глазами, как Советское государство заботится о детях. В нашей стране далеко не каждая семья имеет возможность отправить ребенка на отдых. В СССР это не проблема. Что особенно важно, пионерские лагеря не детище какой-то благотворительной организации, а часть государственной программы. В США, самой богатой и процветающей стране капиталистического мира, женщины, особенно цветные, не имеют равных с мужчинами прав на труд, на образование, — говорит Роберта. — В нашей конституции нет статьи о равноправии женщин. Предполагается, что будет принята соответствующая поправка, но пользы она все равно не принесет. Ведь капиталистический

В зале заседаний.

строй не дает реальных гарантий для осуществления даже тех прав, которые он провозглашает.

В феврале этого года проходили выборы в чикагский муниципалитет. Наша организация вела агитацию за одну очень достойную кандидатку, негритянку, сотрудницу органов просвещения. Нам не удалось добиться ее избрания. Или другой пример. Верховный суд принял закон о том, что фирмы не обязаны оплачивать женщинам отпуск по беременности. Сейчас наша организация проводит кампанию, чтобы добиться от предпринимателей оплаты отпусков для будущих матерей. А в Советском Союзе это норма! Таким образом, социализм не только дает женщине все права, но и на практике гарантирует их осуществление.

— Я много лет занимаюсь партийной работой, — говорит товарищ Инге Ланге, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ, депутат Народной палаты ГДР. — Я встречаюсь со множеством людей, и наибольшее удовлетворение мне приносит то, что я вижу, как изменилась психология людей, граждан новой, социалистической Германии. Социализм научил женщину мыслить по-государственному.

— Какие черты в характере советских женщин вас особенно привлекают?

— Героизм, самоотверженность, способность преодолевать любые трудности. Сейчас, в канун юбилея Советского государства, невольно оглядываешься назад. Первые шаги Советской республики. Гражданская война. Первые пятилетки. Война с фашизмом. Это были годы, когда жизнь требовала от советских женщин героических усилий. Героизм не на час, не на день — на всю жизнь. И потому они для нас — пример, достойный самого высокого уважения и любви.

— Наша встреча, — сказала генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин Фанни Эдельман, — еще раз убедительно продемонстрировала, что дал женщине социализм, самый гуманный, самый прогрессивный общественный строй. В проекте новой Конституции СССР говорится о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству. Это новая фаза в истории человечества, и она выражает огромную созидательную силу социализма. Вот почему миллионы женщин нашей планеты связывают с ним свои надежды, свою веру в победу новой жизни.

Луиза Аморим (Португалия): «Приветствую народ родины Ленина!»

Обычно членов конгресса США делят на демократов и республиканцев, так сказать, по партийной принадлежности. Но с некоторых пор в ходу иное деление — на «ястребов» и «голубей». Нигде законодательно не закрепленное, оно тем не менее точнее отражает расстановку сил на Капитолии. «Ястребом» среди «ястребов» является, безусловно, сенатор Джексон. Однако ныне у него появился весьма опасный конкурент на этот опасный титул в лице вновь избранного сенатора от штата Нью-Йорк Мойнихэна. Этот джентльмен уже успел пробиться в первые ряды милитаристского и сионистского лобби, основательно потеснив многих патентованных «ястребов». Наш рассказ — о восхождении Мойнихэна, о «пути наверх» этого реакционного американского политика.

КАНАТОХОДЕЦ с 42-й СТРИТ

ПАМФЛЕТ

М. СТУРУА

42-я стрит рассекает Манхэттен насквозь — от Гудзона до Ист-Ривер. Она упирается одним концом в нью-йоркские доки, а другим в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. 42-я стрит — улица длинная, многоцветная, многослойная. Ее гудзоновское начало мрачно и грязно. Пивные бары, которые содержат бузотеры-ирландцы, и открытые круглосуточно забегаловки, где пьют, отогреваясь, горячий кофе докеры, шоферы такси и трейлеров — грузовиков-динозавров. Несколько выше — столь же мрачные и грязные гостинички с закопченными фасадами и громкими названиями — полулегальные публичные дома по «общедоступным ценам».

Затем происходит резкий переход от мрака и грязи к свету и грязи. Мы вступаем в квартал-симе, где плечом к плечу стоят крупнейшие кинотеатры Нью-Йорка, над крышами которых сверкают неоновые нимбы реклам, где электричество сводит на нет разницу между днем и ночью, а содержимое прокручиваемых лент — разницу между добром и злом.

Еще выше — своеобразная нейтральная зона, которая отражает респектабельный Манхэттен от развлекательно-завлекательной клоаки. По ту сторону нейтраль-

ной зоны — солидные штаб-квартиры солидных корпораций (стекло, бетон, алюминий) и солидные отели с солидной репутацией (высокие цены и высокие башни в готическом стиле). И, наконец, Ист-Ривер. Здесь 42-я стрит ныряет в кольцевую автостраду, опоясывающую Манхэттен, бросая прощальный взор на вонзившийся в небо гигантский параллелепипед здания ООН.

От Гудзона до Ист-Ривер можно пройти пешком часа за полтора. Дэниел Патрик Мойнихэн одолел этот путь за сорок два года. Родился он, правда, не в Нью-Йорке, а в Талсе, штат Оклахома. (Оклахома, заметим в скобках, всегда славилась своими вороватыми шерифами.) Родился в 1927 году в канун дня святого Патрика, которому и обязан своим вторым именем. Дэниелу было шесть лет, когда его семья переехала из Талсы, штат Оклахома, в Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Отец Дэна, «классический» тип сильно пьющего газетчика, вскоре бросил семейный очаг и скрылся навечно в неизвестном направлении. Мать Дэна, женщина с характером и весьма оборотистая, не растерялась и, сделав соответствующие выводы, открыла пивной салон на самой низкой социальной ступени 42-й стрит.

Несовершеннолетним в Нью-Йорке вход в питейные заведения запрещен. Владельцы баров, нарушающие этот запрет, лишаются лицензий и теряют свое дело. Поэтому до поры до времени Дэн работал чистильщиком сапог и продавцом газет, а затем барменом в заведении своей мама-

ши. Парень он был башковитый. Не отходя от кассы, вернее, стойки, Мойнихэн окончил Сити-колледж в Нью-Йорке, чтобы, по его собственному признанию, «доказать, что я настолько ловок, насколько мне это казалось». А он и впрямь был чертовски ловок и умен. Одолев азы науки, Мойнихэн поступил на факультет права и дипломатии университета Тафта и покинул его чертоги с дипломом доктора философии. Затем Дэн взял штурмом Гарвард, где обосновался в качестве профессора и приступил к чтению курса лекций по проблемам образования и социальных аспектов больших городов.

Гарвард обычно принято считать башней из слоновой кости, отгороженной от житейской суеты сует, от нашего брэнного мира и его злости дна высокой стеной и высокими лбами. На самом деле Гарвард — кузница капитанов американского бизнеса и политического корабля, колба, в которой выращиваются, словно бактерии, идеи, обкатывающиеся затем в вашингтонских коридорах власти. Если идеи и их носители-капитаны приживаются и процветают, они перекочевывают в столицу. Выдохнувшись или обанкротившись, капитаны нередко возвращаются на круги своя — обратно в Гарвард, отбывать почетную и прибыльную ссылку в науке.

Дэниел Патрик Мойнихэн частенько курсировал между Гарвардом и Вашингтоном. Человек с талантом, но без принципов, он мог играть роль слуги двух и даже более господ. Невзирая на лица. Причисляя себя к «либеральным демократам», Мойнихэн тем не менее ухитрился служить в правительствах четырех президентов, из которых один был реакционным демократом, а двое — консервативными республиканцами.

Правда, Дэна не приглашали из Гарварда в Вашингтон на первые роли. Он не залетал так высоко, как его коллеги Макнамара, Шлесинджер или Киссинджер. Утверждают, что виной тому длинный язык и ирландский темперамент Мойнихэна, его пристрастие к острому словцу, позаимствованному у посетителей бара на 42-й стрит, и фразеологии, подхваченной на профессорских кафедрах Гарварда. В качестве примера приводится нашумевший в свое время (1965 год) «доклад Мойнихэна». Его автор, бывший тогда помощником министра труда, в документе, посвященном якобы поискам рецептов борьбы против нищеты, в частности среди цветного населения больших городов, утверждал, что «ущербное социальное положение» американских негров вызвано, мол, «нестабильной семейной жизнью», «патологической путаницей» и прочей расистской и фрейдистской дребеденью. Разразился грандиозный скандал. Негритянские лидеры заявили протест президенту Джонсону. Мойнихэн оправдывался тем, что «имел в виду совсем другое», что его оскорбительные фразы вырваны из контекста. Однако президент, провозгласивший себя архитектором «великого общества», «с сожалением» принял его отставку и сослал обратно в Гарвард.

Вторично Дэн возвратился в Вашингтон уже при президенте Никсоне. Он был назначен директором совета по делам городов.

И опять просочились сведения о написанном им секретном меморандуме, в котором он, по сути дела, предлагал «оставить на произвол судьбы» гражданские права негров. И вновь разразился грандиозный скандал. И вновь Мойнихэн оправдывался тем, что его не так поняли, что он «имел в виду совсем другое», а именно «не создавать ситуации, порождающие черных мучеников», как, мол, это произошло в Чикаго, где полиция совершила налет на штаб-квартиру организации «Черных пантер» и хладнокровно пристрелила ее руководителей. Президент «с сожалением» принял его отставку и, по установившейся традиции, сослал в Гарвард.

До 1973 года Мойнихэн разглагольствовал в основном с профессорской кафедры. В тот период стрелы его ораторского сарказма были направлены не против агрессии во Вьетнаме, а против коллег, выступавших с антивоенных позиций. Когда группа ректоров ряда колледжей предприняла соответствующий демарш в Вашингтоне, Мойнихэн высмеял их, обзвав «беспомощными интеллектуальными неврастениками», которые-де угрожают властям тем, что если последние «не положат немедленно конец нищете, расизму и войне, то они задержат дыхание, пока не посинеют».

В результате подобных разглагольствований перспективы самого Мойнихэна порозовели. Его неожиданно назначили послом в Индию.

Пребывая в вынужденном безмолвии в делийском «Рузвельт-хаузе», своей официальной резиденции, Мойнихэн, когда он не смотрел ковбойские фильмы, поверял свои думы и наблюдения всетерпящей бумаге.

Наблюдения постепенно накапливались и, наконец, когда чаша терпения переполнилась, как кружка пенящегося пива, вылились в статью, которую опубликовал журнал «Комментэри». Статья, как выяснилось впоследствии, сыграла немаловажную роль в судьбе Мойнихэна. Но пока о ее содержании.

Просветление и отрезвление присутствовали в ней, как мимолетное видение. Мойнихэн апеллировал к фуриям мщения. Он разносил в пух и прах американскую дипломатию за ее неспособность шагать в ногу со временем. На первый взгляд, это звучит разумно. Но только на первый взгляд, ибо, по Мойнихэну, шагать в ногу со временем означало ломиться в прошлое наперекор времени.

Ныне ООН — не круглый стол полусотни стран, с большинством которых еще можно было управляться, так как они имели удовольствие числиться по реестру «западных демократий», развешивая свой тезис Мойнихэна. Ныне в ООН около полутора сотен членов, из которых добрая сотня представляет социалистические страны и государства так называемого третьего мира. На первый взгляд, и это звучит разумно, во всяком случае, цифры и факты соответствуют действительности. Но опять-таки лишь на первый взгляд. Из правительственных цифр и фактов — тем хуже для них! — Мойнихэн делал весьма опасные выводы: если машина голосования больше не функциони-

рует, то ее следует заменить машиной устрашения. А то ведь до чего мы дожили, до чего распустили народы и страны: Генеральная Ассамблея, на которой председательствует какой-то Абдельазиз Бутефлика из Алжира, голосует против допуска на свои заседания представителей южноафриканского расистского режима и, уж совсем обнаглев, предоставляет статус наблюдателя — кому бы вы думали? — представителю Организации освобождения Палестины! Дальше, как говорится, ехать некуда. Пора кончать с библейскими церемониями и подставлять левую щеку, когда тебя хлещут по правой. Пора кончать показывать кукиш в кармане, если можно бить кулаком прямо в нос! После столь энергичной интродукции и ее не менее истеричной разработки следовал рецепт-вывод: «Настало время, когда американских представителей должны бояться на международных форумах...»

Рецепт-вывод был одновременно и рекламным объявлением типа «ищу работу». На рекламное объявление откликнулись, хотя и без особого энтузиазма. Но утопающий, как известно, хватается за соломинку. Чем черт не шутит, решили в Вашингтоне, а вдруг Мойнихэн и впрямь выдюжит?

И вот Дэниел Патрик Мойнихэн стал главным представителем Соединенных Штатов Америки в Организации Объединенных Наций. Наконец-то он прошел насквозь всю 42-ю стрит, от Гудзона до Ист-Ривер, от квартала доков и пивных до экстерриториального квартала штаб-квартиры ООН.

Покинув ненавистный «Рузвельт-хауз» в Дели, Мойнихэн переселился в «Уолдорф-тауэрс» в Нью-Йорке («Уолдорф-тауэрс» — официальная резиденция представительства США при ООН). Обосновавшись на новом месте, Дэн в первую очередь повесил на стену своей гостиной картину, изображающую генерала Кастера, балансирующего на канате, переброшенном через Ниагарский водопад, и установил в служебном помещении миссии электронно-вычислительную машину. Между картиной и компьютером существовала незримая, но весьма прочная, как переброшенный через Ниагару канат, связь. Для того, чтобы читатель тоже ощутил ее, необходимы некоторые комментарии о символике панно и функциональном назначении ЭВМ.

Начнем с картины. Ниагарский водопад известен всем, генерал Кастер — вряд ли. Поэтому оставим в покое чудо природы и займемся генералом. Кастер был отчаянным кавалерийским рубакой, прославившимся в прошлом веке жестоким истреблением индейских племен. Его кровожадность была воистину безграничной, стала легендой, а сам генерал, которого в конце концов настиг-таки карающий томагавк, — героем фольклора. Кастер никогда не переходил Ниагару по канату. Картина, повешенная Мойнихэном, была из категории символических. Говоря словами журнала «Тайм», она должна была изображать американское представление о браваре.

Картиной, изображающей генерала Кастера, переходящего по канату Ниагарский водопад, Мойнихэн как бы объявлял: «Трепещите, иду на вы!» Ну, а компьютер? Компьютер должен был служить в руках Дэна саблей, кото-

рой столь умело владел и которую столь часто пускал в ход генерал Кастер. Каким образом? А вот каким. Мойнихэн поручил персоналу, приставленному к ЭВМ, тщательно анализировать результаты голосования во всех органах ООН, чтобы установить, кто голосует вместе с представителями США, а кто против. На основании подобного анализа Мойнихэн вознамерился давать Вашингтону советы, кому оказывать экономическую помощь, а кому отказывать в ней.

Хотя американская миссия «Уолдорф-тауэрс» выходит своими окнами на Черепаший залив, Мойнихэн не отличался ни мудростью, ни медлительностью закованного в роговую панцирь животного. Видимо, сказывались долгие дни вынужденного безмолвия и бездействия в «Рузвельт-хаузе». Единственное, чего не забывал при всей своей горячности Мойнихэн, так это лицемерия.

— Вы можете представить себе, до каких низин политики умиротворения мы докатились, если любой наш акт самозащиты выдается за конфронтацию? До чего же пассивными мы стали!

Итак, свержение законного правительства Чили — самозащита. Поддержка израильских агрессоров — самозащита. Вмешательство во внутренние дела Анголы — самозащита. Лоббизм с южноафриканскими расистами — самозащита. Проталкивание стомиллиардного военного бюджета — самозащита. Блокирование большинства резолюций по разоружению — самозащита... Впрочем, можно не продолжать. Ведь все это из области риторических вопросов, ответы на которые очевидны, как кратеры на лунной поверхности.

Пока Мойнихэн размахивал в ООН саблей генерала Кастера, компьютер в «Уолдорф-тауэрс» подсчитывал и анализировал голоса. Показания компьютера свидетельствовали о растущей изоляции «обожжаемого гиганта» и его «обожжаемых подзащитных». Канат все опаснее раскачивался над Ниагарским водопадом международной дипломатии. Но канатоходец не унимался. Он требовал применения драконовских экономических санкций к строптивым государствам третьего мира, требовал перехода от неэффективного выкручивания рук к спасительной костлявой руке голода.

На прямой вопрос одного африканского делегата: «Вы что, угрожаете нам?» — последовал столь же прямой ответ Мойнихэна: «Да!»

Наблюдая за эскападами Мойнихэна в ООН, некоторые, — кто по недоразумению, а кто с умыслом, — склонны были видеть в нем эдакого анфан-террибля, слона в посудной лавке — благо дело роста он почти двухметрового и весит более ста килограммов.

Постоянный представитель Англии при ООН Айвор Ричард сравнивал его то с обезумевшим королем Лиром, то с мстительным Савонаролой, то с «триггер-хэппи» Уайттом Эрпом, героем покорения Дикого Запада, владевшим пистолетом, как Кастер саблей. (В русском языке не существует эквивалента выражению «триггер-хэппи». В прямом переводе оно звучит коротко и бессмысленно: «куркосчастливый», в переносном — длинно, но осмысленно и угрожающе: «чувствует себя счастливым, когда спускает курок по любому поводу и как можно быстрее».)

Подобный портрет Дэниела Патрика Мойнихэна, при всем его внешнем сходстве с оригиналом, не дает ключа к разгадке его натуры, скрытых пружин его поведения, не объясняет его появления в ООН и последующего и весьма быстрого исчезновения. Ключ этот следует искать там, где причудливо перекрещивались внешнеполитические интересы Вашингтона и политические амбиции самого Мойнихэна. Вашингтон пытался использовать Мойнихэна в качестве своеобразного пробного шара в ООН, позондировать с его помощью возможность гальванизации обанкротившейся политики «с позиции силы» на международном форуме. Пройдет — о'кей, не пройдет — дезавуируем и отмежеваемся. Мойнихэн, в свою очередь, пытался использовать пост в ООН и ее трибуну как трамплин для достижения вершин своего честолюбия — кресла сенаторского и, кто знает, при определенной доле везения — даже президентского.

До поры до времени интересы Вашингтона и Мойнихэна совпадали, но затем все чаще и резче стали расходиться, ибо в результате балансировки по канату, которой занимался наш генерал от дипломатии, Вашингтон стал терять друзей, а Мойнихэн — приобретать популярность. Это было не по-джентльменски. И в конце концов им пришлось расстаться.

Наиболее наглядным и убедительным примером этой диалектически противоречивой взаимозависимости явилось обсуждение проблем Ближнего Востока в ООН. Мойнихэн выступал в качестве завербованного до мозга костей адепта и адвоката израильских агрессоров, высекая бурные аплодисменты в Тель-Авиве и Нью-Йорке, захватывая телевизионные экраны и оккупируя газетные полосы. Но, несмотря на все свое красноречие и умение шантажировать, Мойнихэну не удалось предотвратить принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, осуждающей сионизм как форму расизма. Он клеймил ее как «контрательную», но отвратить не смог.

Другой пример — дебаты в Совете Безопасности ООН вокруг резолюции о статусе Организации освобождения Палестины и требования вывода войск израильских агрессоров со всех захваченных ими в 1967 году арабских земель. Представитель Израиля бойкотировал заседания Совета. Как иронически заметил по этому поводу сирийский делегат Муафак Аллаф, «отсутствие Израиля вполне понятно. Преступнику обычно доставляет мало удовольствия находиться в зале суда, где разбираются его уголовные деяния». В «зале суда» находился адвокат преступника Дэниел Патрик Мойнихэн. Вместо аргументов он был вооружен правом вето.

Дебаты в Совете Безопасности начались бурно, с самых высоких нот: словесными залпами Мойнихэна и вполне реальными бомбами, к счастью, в большинстве своем вовремя обнаруженными и обезвреженными. Три бомбы с часовым механизмом были найдены в стенах ооновской библиотеки, две — в здании иракской миссии. Взорвалась лишь одна — перед польским консульством в Нью-Йорке. Согласно предположениям полиции, это было делом рук так называемого «Еврейского

вооруженного сопротивления» — воинствующей сионистской организации. Одновременно на израильско-ливанской границе начался очередной обстрел палестинцев. «Это наш метод ведения диалога с Организацией освобождения Палестины», — цинично заявил тогдашний министр обороны Израиля Шимон Перес.

Результаты дебатов в Совете Безопасности общеизвестны. Проект резолюции, внесенный группой неприсоединившихся стран, не был принят в результате вето, наложенного представителем США Дэниелом Патриком Мойнихэном. Казалось бы, мавр сделал свое дело. Ан нет. Совет Безопасности заседал не зря. Еще более укрепилось и расширилось понимание существа конфликта на Ближнем Востоке, путей и средств его урегулирования, еще более углубилась изоляция израильских агрессоров, бойкотировавших работу Совета, и их покровителей, помешавших конструктивному завершению дебатов. И хотя Тель-Авив и Нью-Йорк вновь аплодировали Мойнихэну, аплодисменты были жидкими. Их явно заглушал гул негодования.

Канатоходец с 42-й стрит начал понимать: дни его пребывания в «Уолдорф-тауэрс» сочтены. Поэтому он стал готовить свой уход со сцены с расчетом на максимальный эффект, с расчетом на будущее возвращение на другие, более важные роли. Потрафляя вкусам определенной публики — потенциальных избирателей из числа так называемого «молчаливого большинства» и крикливых консерваторов, Мойнихэн стал откровенно третировать международный форум. «Если бы Организации Объединенных Наций не было, ее невозможно было бы выдумать», — острит он в нью-йоркских салонах. Мойнихэн отзывался о Генеральной Ассамблее как о «театре абсурда», а ее членов сравнивал с персонажами романов Оруэлла. Он называл утверждения о существовании американского империализма «чепухой» и тут же, не переводя дыхания, подводил мину под резолюцию африканских стран, клеймящую политику апартеида в ЮАР и вмешательство южноафриканского воинства во внутренние дела Анголы. Он называл утверждения о существовании американского неоколониализма «брехней» и тут же, не переводя дыхания, оскорблял Комитет по деколонизации, состоящий якобы из «полицейских государств, имеющих наглость читать нотации демократическим странам». Он вносил провокационную резолюцию о «глобальной амнистии политическим заключенным» и тут же, не переводя дыхания, бросался на защиту чилийской хунты, когда Комитет по проверке полномочий ставил под сомнение ее законность.

— Они думали, что мы сделаем ррры, гррры, бум, бум, бум, и дело в шляпе. Но не тут-то было, — похвалялся Мойнихэн, отстояв для Пиночета и К° «принцип легитимизма».

И, конечно же, замахивался на разрядку, на это французское слово *détente*. Разрядка напряженности, заявлял Мойнихэн, приложима лишь к физическим предметам, например, к расслаблению мускулов. А в политике все наоборот. И «триггер-хэппи» Дэн играл мускулатурой. Для наглядности.

Ему аплодировали логи. Ему устраивали овации партер. Его осматривала галерка. Он был на авансцене, купаясь в огнях рампы и лучах славы. Недаром один из его коллег, гарвардский профессор, говорил: «Дэн — человек с непомерно развитым себялюбием, огромными амбициями и моральной гибкостью, с мальчишеской философией «Погляди, мама, как я пляшу». И он плясал, плясал вовсю, этот политический канатоходец.

— Нас обвиняют в том, что мы совершаем непристойности, — разглагольствовал Савонарола с 42-й стрит. — Да, мы совершаем их. Но как узнают об этом люди? Из газет, по телевидению.

Любопытная логика, поучительный силлогизм. Если преступник совершает убийство, а затем громко заявляет об этом, он уже не преступник, а святой или, на худой конец, свободный гражданин «свободного мира». Подобный трюк не так прост, как это может показаться на первый взгляд. К примеру, разоблачения в печати и конгрессе подрывной деятельности ЦРУ и ФБР отнюдь не обеляют общество, в котором они функционируют. Нет, не так прост этот трюк — грешить и каяться, грешить и каяться...

Каплей, переполнившей чашу терпения Вашингтона, явилась телеграмма, которую Мойнихэн разослал всем американским посольствам. Текст этой секретной телеграммы был через несколько дней опубликован, видимо, не без содействия ее сочинителя, в «Нью-Йорк таймс». В ней с предельной откровенностью было изложено кредо империализма и колониализма. Мойнихэн в первом же параграфе своей телеграммы подчеркивал, что «основная внешнеполитическая цель (США. — М. С.) — добиться раскола массивного блока стран, прежде всего новых стран, которые уже давно выступают против США на международных форумах». Мойнихэн писал, что цель эта может быть достигнута методами «кнута и пряника», манипуляцией экономической помощью, шантажом создания «черных списков», словом речь идет о голливудских актерах во времена сенатора Джо Маккарти, а не о независимых государствах середины 70-х годов. Он защищал свое вызывающее поведение в ООН, которое получило ярлык «без нужды провоцирующего», и требовал, чтобы несогласные с ним дипломаты «прекратили из уважения к своей профессии болтать представителям печати о том, чего нет на самом деле». Телеграмма заканчивалась типично мойнихэнским пассажем: «В то время, когда у нас так мало союзников и когда многие из них скатываются на почти необратимые позиции умиротворения, основанные на убеждении, что мощь Америки ослабевает, нам хотелось бы надеяться, что некоторые смелые люди в Вашингтоне и во всем мире изучат факты и, если они убедятся, что дела здесь не так уж плохи, пригласят какого-нибудь иностранного дипломата на обед и скажут ему об этом».

Но дела были плохи, а после публикации телеграммы Мойнихэна стали еще хуже. Газета «Крисчен сайенс монитор» писала, что «публикация создавая впечатление о проведении политики под

девизом «разделяй и властвуй», Америка предстает в образе имперской державы, которая отказывается в своих милостях, дабы не стоять на своем». Приглашения на обед не последовало. Вместо него Мойнихэн получил приглашение подать в отставку. Так он и поступил. В который раз была проиграна старая пластинка. Президент «с сожалением» принял отставку Мойнихэна, и тот отправился обратно в Гарвард читать лекции на тему «Идеология во внешней политике Соединенных Штатов».

Мойнихэн уходит. Мойнихэн приходит. Мойнихэн удаляется. Мойнихэн возвращается. Недаром он обладает сопроматом ваньки-встаньки, недаром этот канатоходец прошел насквозь всю 42-ю стрит и в прямом и в переносном смысле.

Как-то, выступая по телевидению, Мойнихэн назвал «позором» уход с поста в ООН ради того, чтобы баллотироваться на выборную должность. Но опять-таки недаром он обладал «моральной гибкостью», этот гуттаперчевый ирландский вундеркинд.

— Я уверен, — сказал он, прежде чем отбыть в кущи гарвардского Академа, — что когда-нибудь так или иначе вернусь в правительство. Я не исключаю возможность борьбы с сенатором Джеймсом Бакли здесь, в штате Нью-Йорк.

И впрямь, зачем было исключать, когда он так усердно способствовал Израилю и сионизму и еще не погасил выданные ему политические чеки? А еврейская община, финансовый капитал и средства массовой информации — лобби гигантской силы, в особенности в имперском штате, как традиционно именуют Нью-Йорк. Мойнихэн был согласен, «если нужно», курсировать между Гарвардом, Нью-Йорком и Вашингтоном. Ведь он не только канатоходец, не только гуттаперчевый вундеркинд. Он еще и Фигаро, который и здесь и там — и на своей фамильной молочной ферме, где доит коров, и в Гарварде, где смущает умы, и в Вашингтоне, где притесняет негров, и в Нью-Йорке, где пытается посеять рознь между странами развивающегося мира.

В ходе последних выборов в конгресс чеки погасили: с помощью сионистского лобби Мойнихэн прошел в сенат. Кредитор стал должником, должником надежным. Ныне на Капитолии, как раньше в ООН, Мойнихэн воюет против прогресса. Он смыкает ряды с сенатором Джексонном, когда речь идет о блокировании разрядки и разоружения. Он смыкает ряды с сенатором Джавитсом, когда речь идет о помощи Тель-Авиву — военной и политической. Должник платит по счетам. Но и должнику платят. Причем весьма щедро. Только за последний год «речевые гонорары» Мойнихэна составили 165 тысяч долларов. Столько не получают даже певцы из «Метрополитен-опера».

Выше я сравнил Мойнихэна с Фигаро. Признаться честно, сравнение это не совсем правомерно. У Бомарше севильский цирюльник был выведен как представитель поднимающегося, набирающего силу третьего сословия. Мойнихэн — идеолог и дипломат общества, скользящего по наклонной плоскости.

«Метелица» в редакции «Огонька». Первый ряд (слева направо): Г. Рожальская, М. Томашевская, В. Кузнецова, Т. Ревтова, Т. Егорова; второй ряд: О. Грошенко, Т. Кузнецова, И. Соловьева, Т. Афанасьева.

«ЗДРАВСТВУЙ, МЕТЕЛИЦА»!

К этому походу готовились целый год. Дело нешуточное: десять женщин решили пройти на лыжах по Земле Франца-Иосифа. Причем идти надо было не по островам, а мимо них, пересекая проливы, перебираясь через полыньи и разводья, штурмуя торосы, пробиваясь сквозь пургу.

Стартовали лыжницы 8 мая на острове Грезм-Белл, а финишировали 22 мая на острове Хейса. Пройдено 256 километров, и каких километров! Встречи с белыми медведями, визиты летчиков и вертолетчиков, которые ухитрились сажать свои машины на льды. Сказочной красоты айсберги, шумные птичьи базары, величественные скалы — все видели лыжницы! Об этом они рассказали на дружеской встрече в редакции «Огонька».

Подробный отчет об этом походе — в ближайших номерах «Огонька».

ТАИНА СКАЗКИ

Маленький послушник своими капризами выводит из себя мать, и та в сердцах восклицает: «Какая муха тебя укусила?»

Оказывается, впрямь есть такая злобная муха, что портит податливые детские характеры: упрямого мальчика превращает в упрямца, добрую девочку — в несносную злоку... Зовут такую муху Шишига, она большая, зеленая, противная: ее увидел и старательно нарисовал в книжке известный художник Д. Циновский. А книжку, где можно теперь разглядывать

Виктор Хохлов. Тайна малиновой воды. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1976, 56 стр.

портрет преступной Шишиги, выпустили в Ярославле под интригующим названием «Тайна малиновой воды».

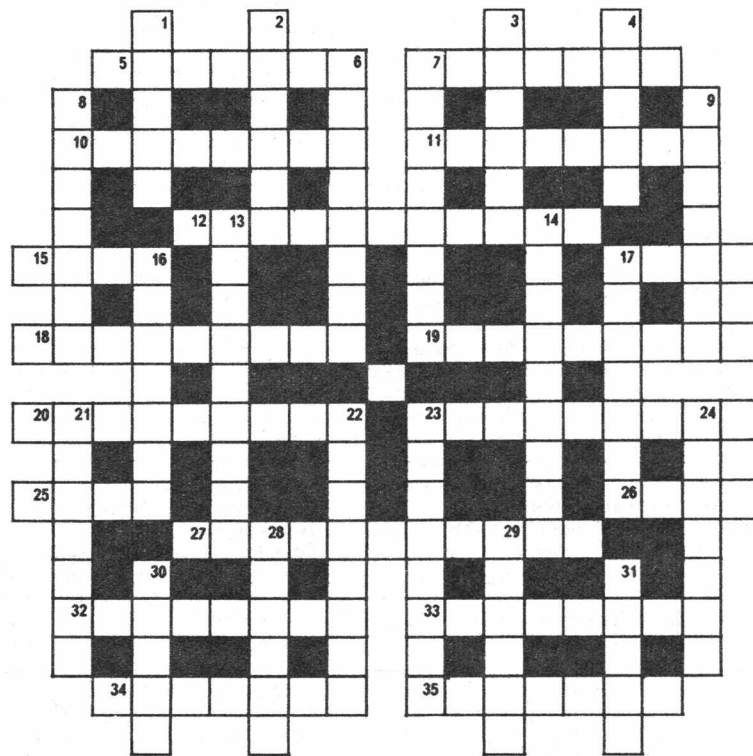
И уже понятно, наверно, что красочно разрисованная художником «Тайна...» предназначена детям: чтоб читали, а читая — на ус мотали! Недаром же в книге черным по белому написано: «Шишига выбирает тех, кто похуже: врунишек, напризуль, грубиянов, лежебок...» Если же ребята ценят доброту, дружбу, труд — они не только не поддадутся козням Шишиги сами, но даже могут вызвать из бед ее укушенных. Пример тому — отважные и благородные поступки героев сказки, чьи имена — в силу их рыцарских подвигов — грешно было бы не назвать во всеуслышание: Таня, Мишук, Бублик, Врунчик и еще смешной, простоватый зайчишка Клепа.

Что ими было пережито-выстрадано, как они самоотверженно искали скрытую от случайных глаз чудодейственную малиновую воду, и, спасая мальчика Сережу, сами в это время становились лучше, нечаянно подслушав и записав с их слов один взрослый человек. И если уж до конца открывать тайну этой повести-сказки, то она, кроме всего, вот в чем... Своим рождением сказочная книжка обязана не «профессионалу»-сказочнику, не детскому — даже! — писателю. Ее автор, Виктор Хохлов, знаем как публициста, очеркиста, посвятившего свои предыдущие книги («На подьеме», «Наследники», «Рядовые России» и другие) разработку проблем современной колхозной деревни.

А впрочем, чему удивляться? Привыкнув в своих проблемных материалах долапываться «до корня», Виктор Хохлов и тут, в произведении для детей, попытался ответить на один из самых простых и самых сложных вопросов бытия: что такое хорошо, что такое плохо? Ответил он мягким, веселым, поучительным языком сказки...

Можно поздравить и его и издательство с удачей.

Эрнст САФОНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Спортивный инвентарь альпиниста. 7. Американский писатель. 10. Титановая руда. 11. Приспособление для прыжков. 12. Проектирование зданий, зодчество. 15. Знак, фураж. 17. Автор романа «Вокруг Луны». 18. Союзная советская республика. 19. Емкость для хранения жидкостей, газов. 20. Старинная русская мера. 23. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 25. Медный духовой инструмент. 26. Хищный зверь. 27. Порт в ГДР. 32. Крутой изгиб берега. 33. Рисунок перед началом текста в книге. 34. Исполнитель роли без слов. 35. Беспозвоночное животное.

По вертикали: 1. Материковая отмель. 2. Немецкий живописец, портретист эпохи Возрождения. 3. Река в Турции. 4. Планета Солнечной системы. 6. Ускоритель заряженных частиц. 7. Прибор для определения состава излучения, его интенсивности. 8. Сорт яблок. 9. Государство в Западной Европе. 13. Чертежный инструмент. 14. Рассказ А. П. Чехова. 16. Цветное стекло для мозаики. 17. Основоположник школы советских физиков-оптиков, академик. 21. Сельскохозяйственное орудие. 22. Четверть круга. 23. Соединение алюминия с кислородом. 24. Северное созвездие. 28. Вещество для изготовления красителей, фармацевтических препаратов. 29. Город в Швеции. 30. Устройство в шахтном стволе для подъема и спуска. 31. Тихоокеанская сардина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Консерватория. 9. Рабат. 11. Браслет. 12. Омуть. 16. Готика. 17. Форос. 18. Термос. 19. Петродворец. 22. Ангара. 23. Конус. 25. Король. 26. Эсхил. 28. Боливар. 29. Тайга. 30. Беллинсгаузен.

По вертикали: 1. Формат. 2. Телеграф. 3. Стеффенс. 4. Фигаро. 6. Благодарность. 7. «Бесприданница». 8. Палеонтология. 10. Ария. 13. Море. 14. Такелаж. 15. Стрелка. 20. Сани. 21. Арка. 23. «Крокодил». 24. Сталекар. 27. Лайнер. 29. Тандем.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Минский тракторный завод. Вместе с Героем Социалистического Труда членом ЦК КПСС Евгением Ивановичем Клименко рабочие обсуждают проект Конституции СССР.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник жертвам фашизма в деревне Жуки, Гомельской области.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международного — 258-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 20/VI — 1977 г. А 00376. Подп. к печ. 5/VII — 1977 г. Формат 70 × 108/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1495. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 737.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

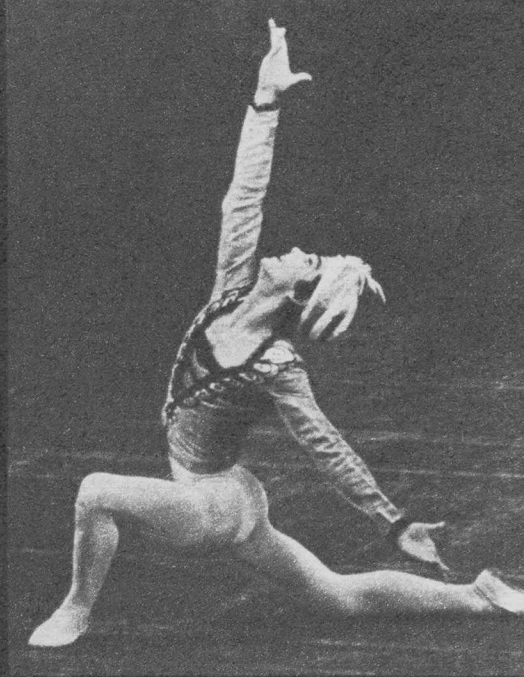

Данило Радоевич.

Кумико Маэда, обладательница бронзовой медали.

Вторую премию получил Марин Бойеру.

МГНОВЕНИЯ

Любая танцевальная партия «собирается» словно из деталей — из классических движений некоего хореографического «конструктора». Но каждую такую деталь артист должен сотворить сам, собственной душой и собственным телом.

На Третьем международном конкурсе артистов балета в Москве золотые награды получили Алла Михальченко, Нина Семизорова, Михаил Крапивин (СССР) и австралиец Данило Радоевич.

В третьем туре Алла Михальченко и Валерий Анисимов (он получил серебряную награду) танцевали па-де-де из «Лебединого озера». Властная, коварная, уверенная в себе Михальченко — Одиллия вновь и вновь выходила на аплодисменты, а я вспоминал, как несколько месяцев назад после трудной репетиции она говорила: «У меня так много недостатков! Заниматься приходится даже в воскресенье! А сны снятся страшные: мой выход, а я опаздываю и не успеваю на конкурс...»

— На самом деле Алла все успела сделать хорошо и вовремя, — замечает член жюри конкурса народная артистка СССР Р. С. Стручкова. — Алла показала себя разнообразной и яркой балериной. Ей двадцать лет. Год назад она принята в труппу Большого театра, и я надеюсь, что скоро мы увидим ее в центральных партиях... Большое впечатление произвела и двадцатилетняя киевлянка Нина Семизорова. В классических па-де-де она покоряет чистотой и свежестью танца, безукоризненной техникой. В современном номере, дуэте из балета «Чиполлино», Нина Семизорова — воплощение безудержной радости, озорного изящества юности...

Мысль танца — мелодия, форма — пластика человеческого тела;

цель артиста — достижение полной слиянности музыки и движения, содержания и формы. Но для этого надо отзываться на мысль-мелодию всей силой подлинного чувства, тогда в прыжке откроется душевный порыв, образ полета...

— Когда видишь танец Михаила Крапивина, — говорит народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Михаил Лавровский, — понимаешь: исполнитель наслаждается движением, и его чувство передается зрителю. Крапивин — опытный танцовщик. Его танец продуман и отшлифован до деталей, однако тщательность отделки не превращается в сухой педантизм, но позволяет артисту быть раскованным, творить на сцене с легкостью и свободой импровизатора... Данило Радоевич танцует в иной манере, в ней ощутима некоторая экзальтация, пожалуй, даже вычурность. Наша школа, на мой взгляд, — продолжает Лавровский, — более естественна, но Данило Радоевич своим артистически страстным и технически безупречным исполнением доказывает правомерность своего танца... Получившие бронзовые медали японка Кумико Маэда и представительница США Йоко Ичино извлекают из музыкального материала свои пластические мелодии. Танцуют они, руководствуясь безошибочным артистическим чувством, очень изобретательно, с какой-то трогательной любовью к каждому элементу танца...

...Атмосфера творчества, царившая в Большом театре, дала зрителям великолепную возможность увидеть еще и очень интересные, очень разные балетмейстерские работы, также позволяющие судить, чем дышит сегодня мировой балет...

А. БАТАШЕВ,

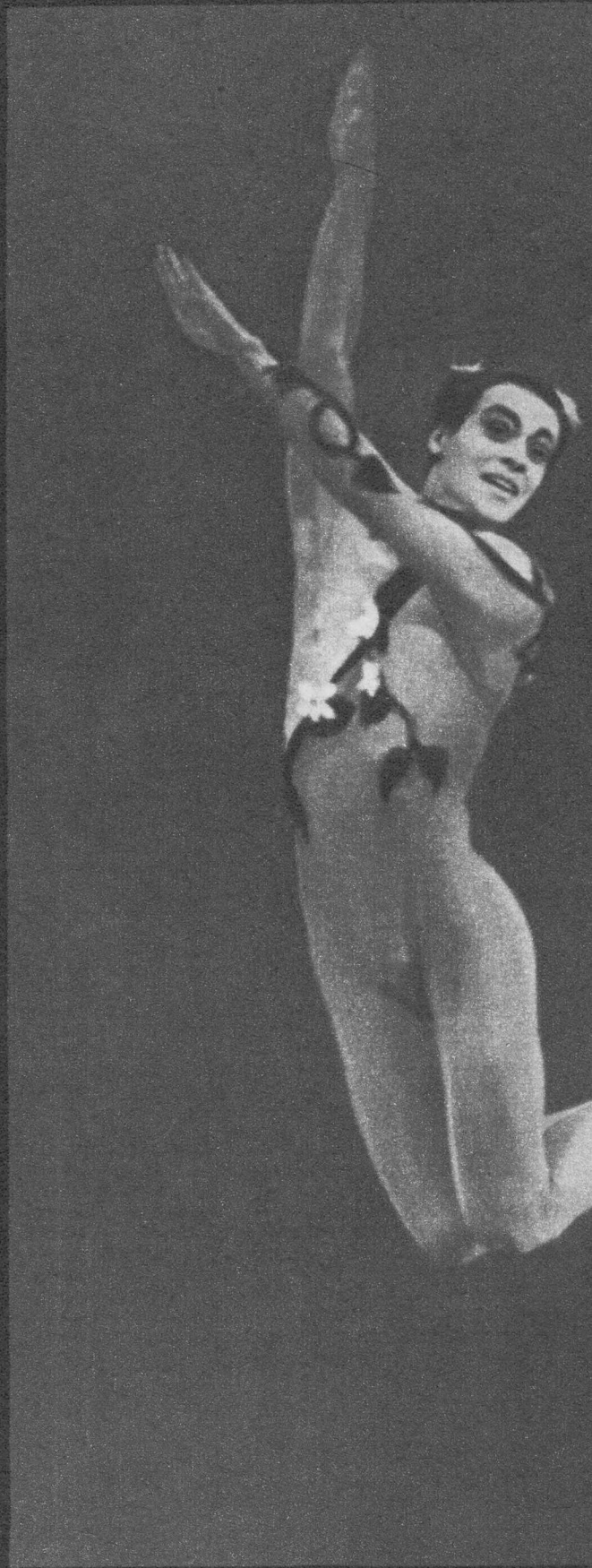
фото А. НАГРАЛЬЯНА

ТАНЦА

Работает жюри конкурса...

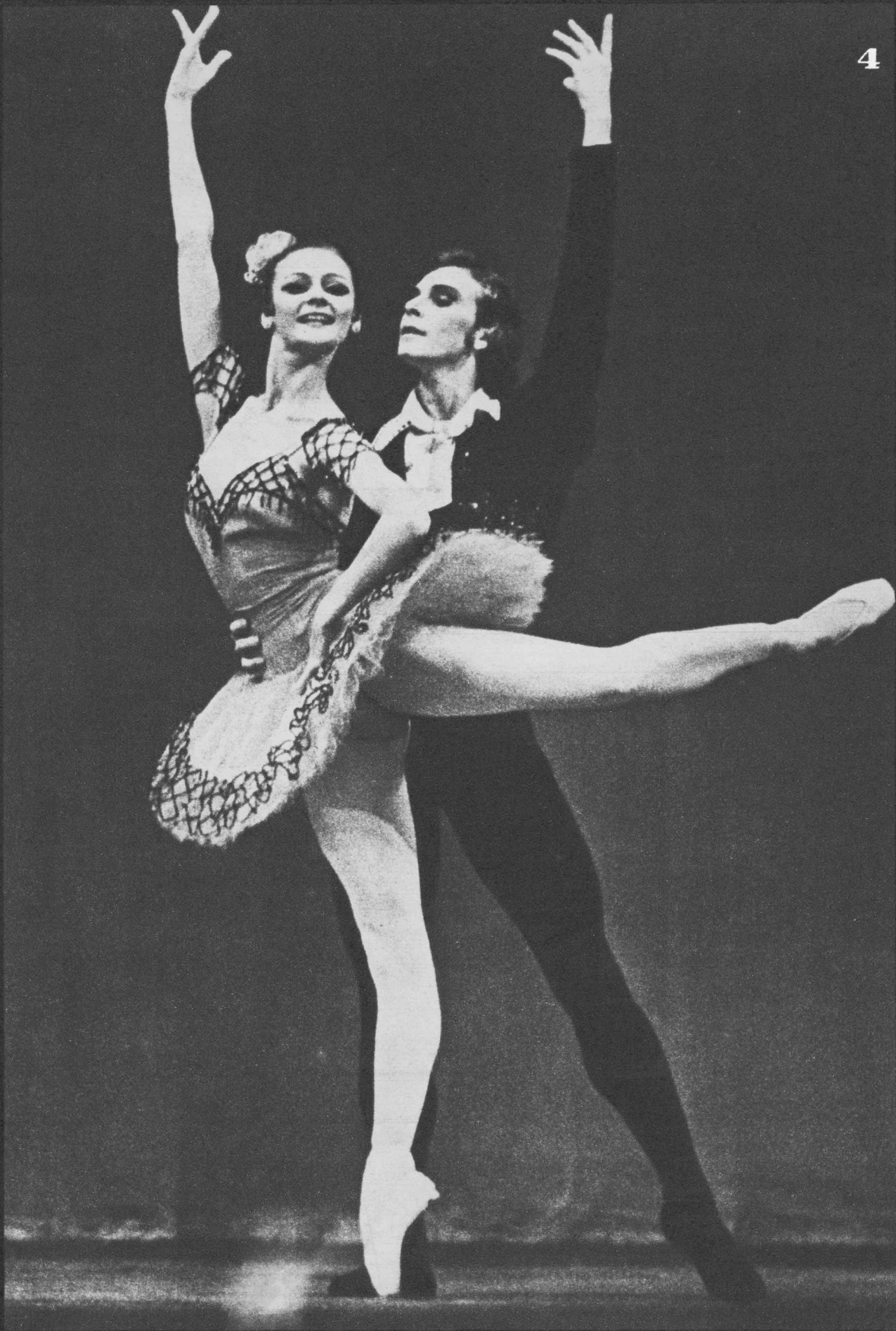
- 1** Танцует Йоко Ичино.
- 2** Нина Семизорова и Николай Прядченко.
- 3** Виртуозный прыжок Михаила Крапивина.
- 4** Золотой призер Алла Михальченко и серебряный — Валерий Анисимов.
- 5** Морайма Мартинес Перес (Куба).
- 6** Серебром отмечено мастерство Галины Мезенцевой.
- 7** Татьяна Бережная.

3

4

5

6

7

